

107498

0.3.

Коллективы беспризорных и их вожаки

3.11
569.

СБОРНИК СТАТЕЙ
С. О. ЛОЗИНСКОГО
Н. П. ВЕЛЕЦКОЙ
А. В. УЛАСОВОЙ
ПОД РЕД. Б. О. БОРОВИЧА

1926
629х

Культурно-Просветительское
Издательство "ТРУД"
ХАРЬКОВ—1926

ЦЕНА 65 КОП.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00447092

8

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Культурно-Просветительное Издательство „ТРУД“
Харьков, пер. Короленко (б. Петровск.) д. 18, тел. 4-04.

2195

ХАРЬКОВ
Тип. ОвРИК'а

[362.7 (082)]

КОЛЛЕКТИВЫ БЕСПРИЗОРНЫХ И ИХ ВОЖАКИ

~~3. II~~
~~569.~~

СБОРНИК СТАТЕЙ
С. О. ЛОЗИНСКОГО,
Н. П. ВЕЛЕЦКОЙ,
и А. В. УЛАСОВОЙ
под ред. Б. О. БОРОВИЧА

107498

~~1926~~
~~6299~~

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ТРУД"
ХАРЬКОВ — 1926

м 88

ЦЕНТРАЛЬНОЕ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Для каталога.

а

Коллектив беспризорных и их вожаки

Сборник статей С. О. Лозинского, Н. П. Велецкой и А. В. Улясовой под редакцией Б. О. Боровича.

изд. Культурно-Просвет. издат. „ТРУД“.

м. и. г. X., 1926 стр. г. пр. ц.

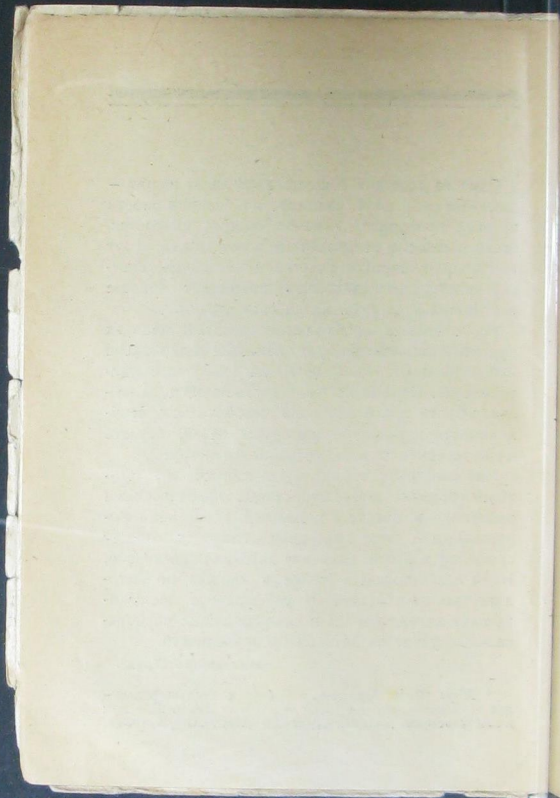
Одна из больших общественных задач наших — ликвидация детской бездомности и беспризорности во всех ее формах. Конечно, вопрос упирается, всего раньше, в материальные возможности, и тут необходимо широкое участие всей нашей общественности, всех тех, кто принимает участие в строительстве возрождающейся страны.

Но, собравши необходимые средства, надо их пустить туда, где они будут наиболее рационально использованы, нужно дать им наилучшее употребление. Отсюда необходимость полно и углубленно знать тех, о ком надо позаботиться; необходимость изучать беспризорных детей, изучать их интересы и нужды, потребности и вкусы.

Идя навстречу этому, мы и выпускаем настоящий сборник статей, написанных практическими работниками: вместе с книжками, ранее нами выпущенными*, этот материал, надеемся, внесет свою лепту в дело изучения детских коллективов. Нами готовится также и книжка по методике работы в различных учреждениях, обслуживающих детей, чем мы и закончим цикл первоначальных работ по детской беспризорности.

Издательство „Труд“.

* *Моро* (М. И. Левитина). — Работа с беспризорными — практика новой работы в СССР, X., 1924 г.; *Веккер Е.* — Дети и советское право (изложение детского права УССР), X., 1925 г.

С. О. ЛОЗИНСКИЙ

О ДЕТЯХ-ВОЖАКАХ

В наше время, когда методы непосредственного влияния педагога на ребенка сменяются влиянием при помощи организации среды и, главным образом, социальной среды,—всякое явление общественной жизни детей должно служить предметом пристального внимания, изучения и педагогического использования.

К числу таких явлений принадлежит известное каждому педагогу вожачество. В педагогической литературе вопрос о вожачестве затрагивался часто, но, благодаря своей сложности, не получил до сих пор достаточного освещения. Настоящий очерк содержит небольшой конкретный материал и несколько соображений по этому вопросу.

1

„Лишь только некоторое число живых существ соберется вместе — говорит Леббок — все равно, будет ли это стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются власти одного — вождя“. Вожачество — одна из основных форм общественной жизни, одна из самых ранних форм организации общества. „Вожак составляет первый

элемент организации разнородной толпы". Сущность вожачества состоит в том, что одно лицо, одна индивидуальность, в силу своего личного влияния, руководит действиями большей или меньшей массы других, ему подобных существ. Мы имеем тут дело с подчинением группы индивидов одному, с воздействием одного на многих, с регулированием поведения масс волею этого одного. Воздействие это бывает различным по содержанию и форме в зависимости от качеств самого руководителя и, главным образом, от социальных условий среды.

Характерной особенностью вожаков-руководителей считается энергия и сильная воля, „способность к интенсивному напряженному волевому усилию, длительному и устойчивому“, твердость и настойчивость в достижении раз поставленных целей, способность к выдержке и самообладанию, склонность к борьбе; наконец „ясное сознание того, к чему именно стремиться и какими путями идти к достижению раз намеченной цели“.

Со стороны силы влияния руководители подразделяются на две основные категории, которые можно обозначить различными терминами — „вождей“ и „вожаков“. Если руководитель охватывает более или менее значительную общественную группу, целый класс общества, весь народ или все человечество — и при этом в основных и существенных сторонах жизни, — такой руководитель

является вождем. Вождь обладает мощностью и силой творческого порыва, способностью пробить толщу привычных жизненных установок, увлечь массы на новые пути.

Влияние вожака меньше по об'ему и силе. Вожак охватывает своим влиянием сравнительно небольшую группу людей, он не затрагивает и основных, глубоких вопросов жизни общества, человечества. Вожак, в отличие от вождя, пробуждающего новые силы и создающего новые формы,— играет роль только проявителя уже готовых, назревших в массе стремлений и жизненных установок, ищущих объединения центра. Вожак является только тем „толчком, который ведет к кристаллизации в сосуде с насыщенным раствором“. Вожаки стоят немногим выше толпы и „не должны слишком удаляться от преобладающих в толпе идей, иначе подражать им будет трудно, и тогда их влияние сведется к нулю“.

Представляют ли вожак и вождь две последовательные ступени в эволюции человека, одаренного указанными выше чертами руководителя общественных групп? Вообще говоря, едва ли. Однако, общесоциальные условия и крупные общественные потрясения, подымая и напрягая силы всего общества, выдвигая глубокие жизненные вопросы, могут превратить вожака в вождя. Но если превращение вожака в более высокую форму — вождя — возможно и зависит от социальных усло-

вий, то нельзя ли наметить эволюцию типа вожака в зависимости от этих условий?

На низших ступенях, в примитивных или простых условиях жизни, первенствующую и вместе с тем наиболее показательную роль играет физическая сила и ловкость. Поэтому вопросы физического преобладания являются решающими для вожачества на первых стадиях развития общества. Но одной физической силы и ловкости оказывается недостаточно в решении все усложняющихся жизненных задач. Весьма ценными качествами оказываются выносливость, способность к длительному напряжению, настойчивость, упорство,— все, что имеет решающее значение в длительной борьбе.

Эти свойства мы встречаем у людей на более высоких ступенях жизни, вообще, и вожачества, в частности. Из двух людей, из которых при всех прочих равных условиях (физической силе, ловкости и пр.) первый обладает еще и способностью к длительному напряжению, победа несомненно останется за ним. Далее, для того, чтобы быть победителем, необходимо, кроме энергии и настойчивости, обладать еще наблюдательностью, развитым интеллектом, организаторскими способностями. Это — новая ступень, выдвигающая еще более высокий тип вожака.

В дальнейшем человеческое общество вырабатывает все более сложную технику взаимоотно-

шений. Эта усложняющаяся социальная техника выдвигает на первую линию тех людей, которые умеют добиться наилучших результатов наименее колючими средствами, менее всего вызывающими расход энергии на сопротивление.

Можно, таким образом, наметить как бы четыре основных типа вожака. Для первого — основным, характерным признаком является физическая сила и ловкость; для второго — способность к длительной и напряженной борьбе; для третьего — организаторский талант и ясное сознание цели; для четвертого — моральные качества. Все эти свойства для второй, третьей и четвертой группы обязательно связаны с энергией, настойчивостью и твердой волей.

II

Присущи ли также и детям черты, характерные для вожakov-взрослых? На основании данных старой педагогической и педологической литературы мы вправе утверждать это. Достаточно сослаться на книгу проф. Лазурского „Школьные характеристики“. Здесь, между прочим, находим мы характеристику двух мальчиков; автор книги, правда, их не называет вожаками, но они импонируют товарищам, имеют на них влияние и внушают им уважение к себе.

Первый, В., не отличается ни силой, ни ловкостью; в столкновениях с товарищами он оказы-

вается, обыкновенно, потерпевшим, благодаря неумению драться. Особенно развитым чувством товарищества В. не отличается. Причину уважения, с которым относятся к В. товарищи, надо искать в отношении его к своим обязанностям. Он не жалеет труда и настойчивости на то, чтобы аккуратно выучивать уроки, и выполняет все школьные предписания, при чем делает это не только из-за отметок, но также и в силу определенных, прочно сложившихся у него нравственных воззрений и привычек. Взгляды его на этот счет настолько стойки, что он решается выступать с ними против всего класса и иногда не безуспешно.

Другой, Д., наоборот, к своим школьным обязанностям относится плохо, шалит на уроках, беспрестанно нарушает требования школьной дисциплины. Товарищеским чувством не отличается, бывает груб, жесток и лжив. При всем том Д. обладает среди товарищей известным влиянием. Пользуясь своей силой, он достигает порядка в классе и на гимнастике, и класс его слушается. Когда на уроке было предложено разучить басню в лицах, Д. распределил роли, руководил разучиванием и достиг желаемых результатов. Таким образом, Д. добился своего влияния на товарищей благодаря качествам, совершенно не похожим на качества В. Там — мышечная сила, ловкость, смелость, готовность пожертвовать чужими интересами ради своих целей; здесь — трудолюбие и неуклон-

ное сознательное выполнение своего долга. Тем не менее, автор отмечает черты, общие обоим мальчикам Д. и В., объясняющие влияние этих ребят на класс; это — „существование у них определенных, более или менее сложившихся взглядов на общественные отношения и на свои собственные права и обязанности, а также настойчивость и последовательность в проведении этих взглядов“. „Твердая воля, заканчивает А. Ф. Лазурский, руководимая сознательными принципами, всегда импонирует окружающим и побуждает их к невольному повиновению“.

Иностранная литература, в общем, освещает вопрос в тех же рамках и в тех же пределах. Вайнифред-Бук в своей работе „Самоуправляющиеся клубы мальчиков в Нью-Йорке“ считает характерными особенностями вожака яркий темперамент или деятельный ум, или соединение того и другого. Проф. Болдуин находит, что дети-вожаки принадлежат обычно к „двигательному типу“, обладают яркой индивидуальностью, способностью учитывать требования среды и, вместе с тем, твердостью в проведении раз принятого решения.

Обычно устанавливаются основные разновидности вожаков по характеру деятельности и по ее продолжительности. По характеру деятельности отмечаются вожаки общественники-организаторы и вожаки — „на случай“; деятельность первых

постоянна или, по крайней мере, длительна, деятельность и влияние вторых кратковременны.

Источник влияния вожака также бывает различен. Если это физическая сила, тогда влияние вожака выливается в тиранию, которая обычно приводит к бунту со стороны остальных детей; если это духовная одаренность, влияние длительное и прочнее. В таких пределах даются и остальные дореволюционные педагогические и литературные характеристики детей-вожаков; в общем, они повторяют основные черты вожаков-взрослых, как в отношении разновидностей типа вожака, так и в отношении присущих им характерных свойств.

За последние годы русская и иностранная педагогическая литература мало обогатилась в этой области, хотя вопрос, повидимому, вызывает большой интерес и разрабатывается более углубленно.

Варендонк в своей книге „Исследование детских коллективов“ говорит о детях-вожаках следующее:

„Вожак появляется в коллективах детей не моложе 9—10 лет; первоначально вожаком становится ребенок, превосходящий других по своей физической силе, „умеющий говорить“, имеющий состоятельных или влиятельных родителей; иногда вожаком становится инициатор игры; в последнем случае его влияние кратковременно. С развитием детского коллектива тип вожака эволюционирует, а влияние его усиливается. В 12—13 лет вожаком

становится старший по годам, обладающий настойчивостью, изобретательностью, инициативой, моральными качествами, вообще „сильная личность“, — ребенок, обладающий какими-нибудь данными, обеспечивающими ему превосходство перед другими в области интересов детской жизни“. Большинство вожаков, по данным автора, мальчишки; девочки никогда не бывают вожаками в смешанных коллективах. Автор считает явление вожачества первой формой проявления у детей организованной общественности.

У нас в СССР, несмотря на то, что вопрос о детях-вожаках с первых же лет после революции привлек внимание педагогов, до сих пор еще нет новых исследований на эту тему. Краткие предварительные данные, опубликованные в 1923 г. Центральным Педагогическим Институтом, сводятся к следующему. Вожачество особенно сильно проявляется в 12—13 летнем возрасте. Основным свойством вожака признается решительность или способность к быстрому решению того или иного действия (90%); вторым свойством надо считать находчивость. „Вожак умеет действовать, хотя порой в умственном отношении он и не стоит выше своих товарищей“; третье свойство — настойчивость. Среди вожаков замечается два основных типа: тип вожака общественника и тип вожака, отличающегося подвижностью, смелостью, отвагой и т. д.

Работы Одесского Кабинета Социальной Педагогики* позволяют дополнить имеющиеся в литературе данные некоторым новым материалом. Здесь мы не будем касаться методов и деталей работы и приведем только общие данные исследования, охватившего свыше 6000 детей в возрасте от 3 до 16 лет.

Дети-вожаки оказались в подавляющем большинстве (90%) обследованных детских коллективов. К исключению надо отнести коллективы больных или дефективных детей, а также некоторые коллективы дошкольников, где вожаки не были обнаружены.

Во всех обследованных коллективах число детей-вожаков составило около 5% общего числа детей. По социальному составу большинство вожаков распределялось (пропорционально общему количеству детей данной социальной группы) так: на первом месте — дети неизвестного происхождения; на втором „прочие“; на третьем — дети рабочих, на четвертом — дети крестьян и на пятом — дети интеллигентов.

По семейному положению наибольший процент вожаков (опять-таки, в отношении к детям той же категории) дают дети-сироты, наименьший (почти вдвое) дети, имеющие родителей. Среди детей-

* Проведенные д-ром Шевалевой (среди детей дошкольников) и т. Тагамлицкой (в детских домах).

вожаков — юных пионеров в четыре раза больше, чем не пионеров.

Не всякий возраст одинаково выделяет вожаков. Дошкольники от 6 до 8 лет дают наименьший процент вожаков, дети от 12 до 15 лет — наибольший. Если дошкольники живут вместе со взрослыми детьми, они вовсе не выделяют вожаков; если же они живут отдельно, то вожаки в отдельных играх или недлительных группировках появляются у них довольно рано, иногда даже с трех лет. С каждым годом процент вожаков-детей возрастает, к 8-ми годам увеличиваясь вдвое. Повидимому, с возрастом детей, с усложнением их общественных интересов и отношений, потребность в вожаке возрастает. В отношении пола — большинство вожаков (60%) мальчики; в младшем возрасте вожаков-девочек больше, чем в старшем.

Объем влияния вожаков неодинаков: некоторые пользуются влиянием во всем коллективе и во всех сторонах его жизни, другие ограничиваются влиянием в небольшой группе детей или только в отношении какой-нибудь одной стороны жизни коллектива. Отдельные области влияния вожаков: хозяйственная жизнь, игры, отдельные виды искусств и т. п. (здесь по социальному составу преобладают интеллигенты и „прочие“).

Что касается общей характеристики свойств вожаков, то здесь на первом месте (85%) отмечаются: „сила воли“, „энергия“, „большая работо-

способность", „стойкость" и т. п. Второе место занимают интеллектуальные данные („умен", „умственно развит", „обладает хорошими умственными способностями", „изобретателен" и т. п.) Затем (65%) идут качества социально-моральные („справедливость", „отзывчивость", „чувство товарищества", „доброта" и т. п.). Четвертое место занимает инициатива (60%). Пятое — физическое развитие (52%). Шестое (42%) — повышенное чувство личности. Седьмое (42%) — легкая возбудимость, восторженность. У значительного меньшинства отмечаются отрицательные качества: антисоциальные чувства (10%), небольшой ум (5%) и т. п.

Большинство вожаков (65%) имеют положительное влияние на жизнь коллектива; меньшинство (10%) — отрицательное. Среднее место (25%) занимают вожаки, имеющие смешанное влияние — положительное в одном направлении (руководство работами кружка и пр.) и отрицательное в другом (в отношении озорства, шалостей и т. п.). У детей дошкольников преобладают вожаки, которые могут привлечь их чем-нибудь занятным, доставить приятное; у старших — на первом месте энергия, сила (моральная, интеллектуальная и физическая).

Обратимся к условиям, при которых чаще всего проявляются те или другие типы вожаков. В этом отношении наблюдается почти полная зависимость между степенью развития и сплоченности коллектива, с одной стороны, и типом вожака, с другой.

Эта зависимость подтверждается и данными настоящего времени и ближайшим прошлым, когда приходилось наблюдать эволюцию типа вожака в связи с эволюцией детского коллектива.

Какого вожака мы могли встретить в обстановке, где помещение невероятно загажено, приходящая обращена в уборную, на детях одежда грязная, изодранная; где почти все больны чесоткой, где целыми месяцами единственное питание — каша и хлеб? В помещениях температура нетопленного сарая, промозглая сырость и т. п.? Таким условиям вполне соответствовали и общественные отношения. — „Еду дают старшие, которые страшно обижают младших, обделяя их и давая им одну „юшку“, а некоторых из-за личных счетов и совершенно оставляют без пищи“.

В этой обстановке царит кулак. Когда речь идет об удовлетворении самых элементарных потребностей, то и пути их удовлетворения самые элементарные: линия наименьшего сопротивления в процессе добывания себе минимума средств к существованию проходит в этой неорганизованной детской массе прямо через спины других, более слабых. Слабые страдают, но вынуждены признавать этот единственный закон своей примитивной среды.

Естественно, что и вожачество в этой среде принимает элементарные формы. Здесь власть физической силы и ловкости, власть атамана.

Этот вид вожачества имеет здесь и свое название — „казаковать“. „Казакующему“ всегда и везде принадлежит первенство и, прежде всего, в вопросах личного благополучия — первое место у печки, за столом, большая порция пищи и т. п. Надо заметить, что власть вожака в этот период — безапелляционна. Этот вид вожачества почти во всех детских учреждениях уже исчез. И даже физическая сила, в 90% сопровождавшая всех вожаков первого периода, сейчас встречается, как основной признак, только у вожаков двух-трех более отсталых детских домов. Надо полагать, что мы уже изжили первые элементарные, грубые формы вожачества вместе с тяжелыми экономическими и социальными условиями, в которых начинали свою жизнь детские дома.

Первые грубые формы вожачества преодолеваются в процессе налаживания всей жизни детского дома — его материальной и педагогической стороны, и по мере взаимного сближения детей. Этот период „налаживания“, несомненно, самый продолжительный и самый неопределенный; поэтому здесь не приходится говорить о каких-либо стойких и типичных формах вожачества и о более или менее устойчивых типах вожаков. Можно дать только несколько отдельных штрихов.

Так, нам приходилось отмечать, что появление в качестве вожака данного детского дома, пережившего переходный период, детей с теми или

другими характерными особенностями часто обуславливалось определенными особенностями жизни этого дома. Вожаками в детском доме со слабо налаженным хозяйством часто становились наиболее хозяйственные дети; в домах со слабым влиянием педагогического персонала роль вожака скорее всего утверждается за ребятами с сильной волей, с организаторским талантом, импонирующей внешностью, властолюбивыми. В домах, где налажена общественная жизнь детей, где есть самоуправление и „партии“, — вожаками становятся дети более развитые, владеющие речью, общественно-настроенные.

Вот некоторые из этих вожаков в домах различной степени налаженности.

1. Дом, отличающийся полной бесхозяйственностью. Коллектив слаб. Вожак — девочка Н., 12-13 лет, из крестьянской семьи; низкорослая, коренастая, больше-головая; очень хозяйственна, практична и, главное, феноменально трудолюбива и упорна в достижении раз поставленной себе цели; пользуется непререкаемым авторитетом у всех детей. Мало разговорчива, не отличается особым умом и развитием, но добра; охотно, но сдержанно приходит ребятам на помощь. Смотришь на такую фигуру и думаешь: „при хозяйственной разрухе дома, действительно, ты — хозяин положения“, и удивляешься ребятам, тонко учувшим самого нужного сейчас для них человека.

2. В педагогически слабом детском доме коновод мальчик К. — стройный, красивый, мальчик лет 15, всегда чисто одетый, аккуратный, лицо симпатичное, тонкое. При разговоре со старшими, особенно чужими, К. краснеет и опускает голубые глаза. С переводом К. в детский дом как то само собой произошло, что спальня, в которой он поселился, стала привилегированной, К. — авторитетом и предметом поклонения. К. возбудил вопрос о передаче ключей от кладовой в руки мальчиков, и вопрос был решен в утвердительном смысле. Сам он отказался быть членом хоз. комиссии, говоря, что „это дело грязное“. Однако, комиссия не делала ни одного шага без ведома К. Он выбирал меню, он распределял продукты, ему доставался и лучший кусок. В спальне, где он спал, было теплее и уютнее; ночью К. со своими приближенными часто варил себе пищу из общественных продуктов. Через короткое время коллектив хотел и делал то, чего хотел К. Нужно ли идти на лекцию, на митинг, — никто не двинется пока К. не возьмется за шапку. Как-то К. бросил вскользь замечание по поводу занятий одного из педагогов (хорошего преподавателя): „он не учит, а сказки рассказывает!“, — и преподаватель остался без единого слушателя.

Еще иллюстрация влияния К. на товарищей. Он приблизил к себе мальчика П., т. е., вернее, разрешил П. оказывать себе разные мелкие услуги,

и к П. стали относиться с уважением (П. — мальчик заурядный, незаметный). Когда через несколько дней К. удалил от себя П., — тот стал мишенью жестоких насмешек. Мальчик Ш., развитой и солидный, головой выше остальных детей дома, перед К. совершенно стушевывался, как эхо повторяя его слова и мысли.

Влияние воспитателей совершенно не могло конкурировать с влиянием К. Если надо сделать что-нибудь ответственное, воспитательница агитирует К. Был такой случай: в виду свирепствовавшей эпидемии тифа, дом должен был оставить зараженное здание и перейти в другое. Работа была огромная: надо было все вымыть, продезинфицировать, всем вымыться, самим вычистить новое здание, устроить там уборную. Предстояло перенести несколько десятков больших камней, наносить массу воды. Земля была мокрая, вязкая, было холодно, обувь — деревянные или просто тряпки, намотанные на ноги; работать было очень трудно, но переехать возможно скорее было необходимо. Воспитательница решила прибегнуть к маневру. Пришла к детям, сгрудившимся на постелях, у печки кутавшимся в одеялах, и затеяла разговор о том, что сегодня и начинать нельзя перебираться: „не успеем, работы много“... и пр., при чем говорила явно неубедительным тоном; ей поддакивали. К. встрепенулся. „Почему сегодня не переедем? Можно

и нужно переехать!". Воспитательница для виду протестовала. К. горячился все больше, — и через несколько минут все поднялись со своих мест, готовые взяться за работу. К. пошел первым, „Это было что-то неудержимое, рассказывает воспитательница: больных, слабых, ленивых не было вовсе“. К., недавно поднявшийся после болезни, работал с неизсякаемым увлечением. К вечеру того же дня дом переехал.

Большинство детских домов вышло в настоящее время из состояния тяжелой хозяйственной и педагогической разрухи; поэтому и большинство вожakov, преобладающий тип сейчас, это вожак — общественник.

Правда, и здесь замечаются значительные отклонения: от простейших типов вожакa властителя, деспота и эгоиста, захватившего общественную власть и удерживающего ее, не стесняясь в средствах, — до детей вожakov, „одержимых“ чувством общности, отдающих себя общему делу без остатка, не имеющих личных желаний и личных интересов.

В. — мальчик 13 лет. У него умное, нервное лицо, пытливый взгляд. До поступления в Д. Д. „он прошел огонь, воду и медные трубы“. Был в нескольких школах, где не мог удержаться, побывал на базаре, служил на кухне, был посыльным в канцелярии и пр. В конце концов он устроился пастухом лошадей. Заведывавшая

домом предложила ему поступить к ним в дом, — он подумал и согласился.

К нему относились ласково, внимательно. Однако, натура его осталась прежней; переменил он только тактику и внешний образ жизни. Днем он лежал тихо и мирно под деревьями и читал книгу. Никуда за пределы дома он не выходил. Но по вечерам к нему со всех сторон стекались тени, и в укромном уголку сада устраивалось конспиративное заседание. В. выслушивал донесения, отдавал приказания. Вокруг него собирались 4 мальчика из данного дома и несколько из других домов. Затем В. спокойно шел спать, а его подручные отправлялись не больше-не меньше, как тащить школьное имущество, которое затем выменивали на овощи, фрукты или деньги у огородников. В. был атаманом этой шайки. Он распоряжался и получал львиную долю. Дети знали про работу шайки, но молчали, боясь В. Воспитатели догадывались, что дело неладно, но добиться правды нельзя было.

Наступила зима 1921-22 года. Тяжкие условия жизни этой зимы заставили детей теснее сплотиться, дружнее работать. В. со своей шайкой притих. Иногда и он помогал в общей работе, но никогда он не брал работы на себя. Возьмет наряд, наберет артель, распорядится, с чего начинать, как вести работу — и дело мигом готово. Казалось, он оставил свои проделки, но это было

не так В это время в Д. Д. поступает девочка 11 лет, М. — из хорошей рабочей семьи, с некоторыми трудовыми навыками, с каким-то врожденным чувством общности. Она очень скоро заняла видное место по хозяйству, заслуживши всеобщую любовь и уважение. Дети учуяли в ней начало, противоположное тому, представителем которого был В. Почувствовал это и В. и сама М. Дети сгруппировались около В. и М., при чем большинство было на стороне М. Отношения между М. и В. были корректны но чувствовалось, что столкновение неизбежно, и каждый по-своему мобилизовал силы.

Вечерние беседы и чтения, где обычно затрагивались социальные темы, невольно усиливали позицию М. и ослабляли В. Он чувствовал это, фыркал, злился, демонстративно уходил или не посещал со своими единомышленниками этих бесед. Но на этом проигрывал еще больше — во-первых, потому, что единомышленникам очень хотелось присутствовать на этих вечерах, а, во-вторых, потому, что и сам В. до страсти любил чтение и всякого рода разговоры, где можно было блеснуть своей начитанностью и остроумием — своим природным даром.

Недовольный создавшимся положением, В. все больше дурил, своевольничал сверх меры, терроризуя детей. Стул В., его прибор, место — были неприкосновенны. Когда В. подходил к дверям,

двери отворялись сами собой; если происходила заминка, он повелительно кричал: „Двери!“, и десять человек бросалось отворять. В. безобразничал и нервничал, М. спокойно укрепляла позиции. Воспитательница не принимала никаких мер к обузданию В., но всеми силами помогала М.

Однажды обнаружилась кража белья двумя старшими мальчиками. Они очень смутились; на прямо поставленный вопрос воспитательницы они ответили, что белье украдено ими, и назвали руководителем кражи В. Объявили детям о раскрывшейся краже. В одну минуту все собрались. Председательствовала М. В сильной и яркой речи она познакомила собрание с положением вещей, и в результате дети единогласно потребовали удаления В. из дома. Воспитательнице удалось добиться от детей разрешения В. остаться, но он уже навсегда утратил свое влияние.

Во главе коммунального совета дома стала девочка Г., лет 13. Рослая, большеглазая, с подвижным, энергичным лицом, неутомимая, умелая работница, Г. как то вобрала в себя все интересы дома, сделала их своими, срослась с жизнью дома и болезненно переживает все, что касается этой жизни. Она абсолютно недемократична; ее интересуют только результаты работы; она прирожденный диктатор: „Раз я знаю, что надо делать,

я могу приказывать!" — говорит она. Она собрала вокруг себя группу детей, которые проводят в жизнь ее распоряжения; для них слово Г. — закон.

Не все довольны таким положением вещей; протестовали прогив того, что Г. протезирует одним и не обращает внимания на других. В результате было собрано общее собрание, и в коммунальный совет избрали трех других детей. Г. страшно огорчилась, заболела, несколько дней пролежала в постели с повышенной температурой, плакала, говоря: „Они погубят дом, они ничего не понимают!“.

Когда она поднялась, собралась группа членов старого коммунального совета; устроили тайное совещание, результатом которого явился саботаж. Новые члены совета не знали, с чего начать работу. Заведывающий поговорил с Г., выяснил неправильность ее позиции, и та решила взяться за работу. Однако, прежде чем приступить к ней, она настояла на перевыборах: надо, мол, решить, работать или не работать, — говорила она: „новые доизбранные пассивны, надо переизбрать — тогда будем работать вместе“. Избрали новый состав, работа и жизнь дома вновь вошли в свою колею.

В этот переходный период вожаки характеризуются некоторыми общими чертами: вожаками коллективов становятся — хотя и не без борьбы — дети с более или менее развитым чувством ответственности, а не просто сильнейшие, атаманы

и „казакующие“ первого периода. Объясняется это явление тем, что среди детей образовались и окрепли некоторые общественные связи, выросло общественное сознание, возникло понимание хозяйственно-административной ценности общественной организации. В процессе все налаживающейся жизни индивид сильнее срастается с коллективом, начинает чувствовать его, а вместе с этим и общественную силу.

Теперь вожаком становится тот, кто способен (хотя бы в своих личных интересах) учесть эти новые силы, настроения и мысли коллектива, кто способен ответить на них, удовлетворить их, кто умеет создать соответствующие, более сложные формы поведения. Коллектив растет, как особая сила, он имеет уже свою инерцию движения, свои законы развития, и не всякий уже может хвататься за руль, управляющий ходом его жизни.

Чем интенсивнее и живее рост коллектива, чем больше и более глубоких связей общественного характера возникает и развивается внутри его, тем он сильнее становится, и тем большими качествами и меньшими правами обладает вожак такого коллектива. Он уже не столько вожак, сколько старший товарищ. Уже не может быть и речи о колотушках или окриках; требуются законные и товарищески допустимые формы обращения; коллектив высшей стадии развития зорко следит за своим вожаком, уже почти потерявшим свой

прежний вожаческий образ; он основательно, в самой своей сущности, перерождается.

Если мы от отдельных типов ближайшего прошлого обратимся к данным сего дня, к нашему материалу о вожаках, то, в общем, получится следующая картина.

Типы вожаков отвечают той схеме, которую мы обозначили выше. В домах, менее устроенных материально и со слабо развитой общественной жизнью, более или менее прочно сидят вожаки-атаманы или вожаки-хозйственники; в домах с более высокими культурными условиями — на первый план выступают общественники. При этом в домах с более высоко развитой детской общественной жизнью вожаки стоят и в моральном отношении выше общего уровня. В периоды переходные, когда отмирают старые и зарождаются новые формы детского быта, чрезвычайно типичной является борьба атаманов-бандитов с вожаками нового типа — общественниками. Эта борьба проходит ряд этапов, постепенно меняя свои формы и методы. На высшей ступени развития коллектива мы часто являемся свидетелями борьбы между вожаками групп различного идейного направления.

Какие же общие выводы можно наметить на основании приведенных материалов о детях-вожаках нашего времени?

Прежде всего, кажется нам, дети-вожаки, независимо от пола, возраста, сходства или несходства отдельных индивидуальных черт, имеют одни, всем им несомненно свойственные черты, отмеченные уже А. Ф. Лазурским; это — дети, которые знают, чего хотят, и которые имеют определенный план и силы для достижения своих целей. Эти свойства вожака могут быть направлены на различные цели, могут иметь разное содержание, но без них вожак немислим. Определенность установки—таково его основное свойство.

Дальше на этой основе общественная жизнь возводит свои постройки, используя эту определенность установки в тех или иных целях; при этом работа вожака, развиваясь нормально и вместе с развитием коллектива, приобретает все большую общественную ценность и общественное содержание.

III

Рассмотрим, в заключение, педагогическую сторону вопроса. В педагогической литературе мы встречаем различные отношения к вопросу о вожачестве. Швейцарский педагог Ферстер очень энергично настаивает на необходимости „повелевательной культуры“, культуры вождя, на необходимости „подготовки к одному из труднейших искусств — к искусству повелевать“. Сторонники точки зрения Ферстера мотивируют свои соображения указаниями на сложность и хаос современной

жизни, в которой невозможно разобраться, и слабой безвольной массе трудно найти правильный путь. Эта группа педагогов считает возможным культивирование вождей только в среде „командующих классов“. Культура вождя находит себе место и в более демократических кругах педагогов; здесь не говорят о необходимости „повелевательной культуры“, но не сомневаются в необходимости установления точных научных методов для распознавания особых дарований вожака и для последующего их укрепления и развития.

Таким образом, и для первой и для второй группы педагогов, очевидно, нет никакого сомнения в том, что дети с природными данными, обычными для вожаков, должны подвергаться особым формам воздействия для укрепления и развития в них этих дарований.

Но есть педагоги, которые отвергают постановку вопроса в такой плоскости. Так, в книге Е. И. Лозинского „Воспитание вождей“ мы находим такие соображения: „Для истинного вождя характерным является не только способность повелевать, но и способность повиноваться. При современных условиях вождь может быть вождем только в той или иной сфере жизни, во всех же остальных областях он, по необходимости, более ведомый, чем ведущий. Каждая нормальная человеческая личность обладает от природы этой двойной способностью, и в каждой нормальной человеческой

личности эта способность может быть в значительной степени развита. Такого же мнения придерживается и проф. Лазурский („Классификация личностей“). Он находит, что психически и физически здоровый ребенок, воспитывающийся в нормальных материальных условиях, под воздействием суровых, но разумных влияний, не подавляющих воли ребенка, а дающих ей возможность закалиться в борьбе с препятствиями,—такой ребенок всегда в большей или меньшей степени разовьет в себе качества, присущие вожаку.

Наш материал позволяет нам занять в этом вопросе позицию, очень близкую к позиции последней группы педагогов. Ясно, что характерные свойства вожака проявляются в том или в другом направлении, его деятельность принимает тот или иной характер и содержание в зависимости от характера и содержания жизни того детского коллектива, в котором вожак выдвигается. Иными словами, вожак, именно как вожак, создается коллективом, его интересами и требованиями.

Вожак — это тот, кто скорее других нашел выход из данного положения, „кто нашел новые комбинации и приспособления к условиям существования...“ Тот, кто „приобрел новые формы поведения, кто пустил в ход накопленную коллективом и ищущую выхода энергию в той форме, которая легче всего воспринимается и легче всего заражает“ (Аркин).

Нужны ли такие вожаки, такие качества человека в социалистическом обществе? На это можно ответить словами одного из вождей русской революции: „В судьбах среды активно действующий индивидуум играет роль орудия и не последнего по счету“. Вожак является, таким образом, орудием среды, он нужен коллективу, как технически совершенный аппарат для выявления и регулирования поведения среды в той или другой области. Такой вожак — не повелитель в прежнем смысле этого слова, а первый среди равных. Можно сказать, что среда создает вожака, но нельзя сказать обратного.

Нам не нужно культивировать вожака-повелителя, нам нужно культивировать среду; тогда она и выдвинет, родит вожака, как необходимую ей техническую силу. Таким образом, проблема вожачества заменится для нас задачами воспитания коллектива, т. е., в конечном счете, воспитания активно-действующего члена коллектива.

Можно ли, однако, в каждом нормальном ребенке воспитать свойства вожака? Если к свойству вожака мы относим способность повелевать и подчиняться, настойчивость, организаторские способности, вообще хорошо развитый интеллект и волю, то, разумеется, с полным правом можно говорить о воспитании свойств вожака в каждом ребенке, т. е. о подготовке детей, способных быть вожаками в той или другой области работы,

в зависимости от требований коллектива. Коллектив, состоящий из таких активно действующих индивидуумов (и только он, а не воспитатель и педагог), создаст и выдвинет уже вожаков-вождей, т. е. истинных творцов новых форм жизни. Однако, педагог может содействовать этому процессу в его первой и особенно интересующей нас стадии, в воспитании в каждом нормальном индивидууме упомянутых выше свойств вожака. Но здесь главнейшую роль играет окружающая детей обстановка, которая может действовать и положительно и крайне отрицательно. И первой заботой педагога должна быть поэтому организация всей среды, окружающей ребенка, в частности — организация влияния внешней социальной среды, т. е. установление связи с положительными, социально-ценными группировками и с положительной стороной их быта и работы. Затем, главное внимание должно быть сосредоточено на организации детской среды в культурно-трудовой коллектив с четко поставленными и осмысленными общественно-производственными задачами и целями.

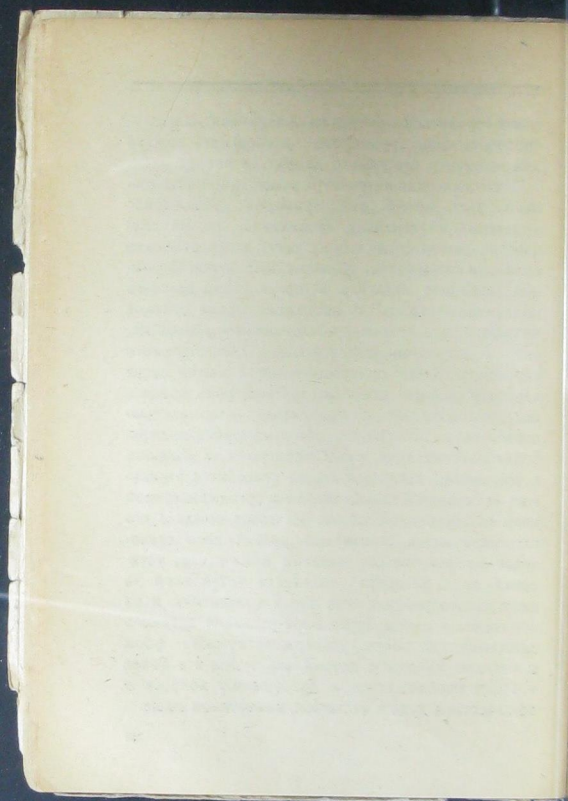
В наших условиях, когда детство, охваченное и не охваченное учреждениями соцвоса, в сущности, очень мало подвергается систематической, плановой и целесообразной педагогической обработке, приходится признавать — при организации некоторых форм коллектива и в процессе приспособле-

ния детей к окружающей их жизни—значительную, большую, чем надлежало бы, роль вожаков. Необходимо, однако, педагогически охватить деятельность вожака.

Для этого мы должны самым внимательным образом ознакомиться с вожаком и с его ролью в коллективе; должны узнать, какие обстоятельства и какие причины личного и общественного характера выдвинули данного ребенка на роль вожака; какие задачи, стоявшие перед коллективом и как именно разрешаются вожаком; каков характер и какова техника его вожачества? Если обследование даст положительный ответ, вмешательство педагога едва ли возможно. Коллектив в своем развитии будет сам подвигать вожака на более высокие ступени по содержанию и методу его работы или — сменять его другим, более соответствующим. Если же окажется, что вожак засиделся, если он успел превратиться в маленького тирана и деспота, которому дети подчиняются вследствие пассивности, инертности данного коллектива, вследствие вялости процесса его развития и слабости революционного духа, роль педагога иная — он должен стать источником стимулирования, стать „главным интриганом“. Незаметно, путем углубления и обострения очередных жизненных задач детского коллектива, путем выдвижения их на первый план, педагог должен обнаружить перед детьми слабость старого вожака, его бес-

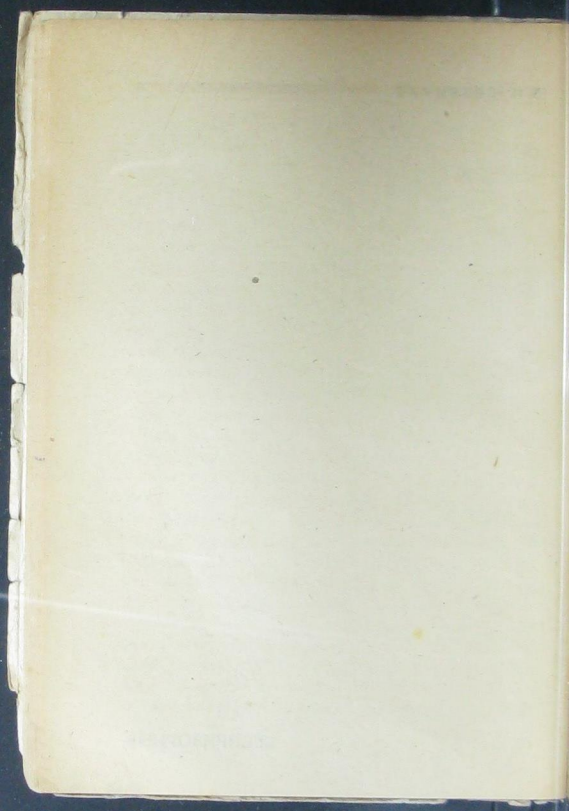
силе справиться с очередными задачами, иногда — способствовать „революции“ и свергнуть вожака или заставить его самого двинуться вперед.

Педагогическая литература революционного времени дает целый ряд примеров „революций“ в детских коллективах, несомненно, весьма способствовавших социальному росту детей, особенно если они совершались силами самих детей. Огромной помощью педагогу в организации детского коллектива служит в настоящее время детское движение, его основа — коллективно-трудовое начало с широкими перспективами общественного характера. Здесь приспособление к жизни носит характер работы всего коллектива, роль вожака, как руководителя и повелителя, — значительно ослабевает. Многие его обычные функции переходят к организации юных пионеров с их законами и обычаями; истинный вожак становится звеньевым — становится только звеном в организационной цепи общественной жизни. Исчезает вожак с его главенствующей, командной ролью; дети становятся полноправными членами коллектива; установка на „командира“ сменяется установкой на силы самого ребенка, как члена коллектива, и на коллектив в целом. И по мере развития детского движения, по мере усовершенствования форм и методов работы с детьми, мы будем все более и более приближаться к разрешению вопроса о вожачестве в духе и масштабе, намеченном выше.

Н. П. ВЕЛЕЦКАЯ

БЕСПРИЗОРНЫЕ

Современность поставила перед педагогом ряд совершенно новых и сложных задач, не терпящих отлагательства. Боевым заданием для педагога-общественника является изыскание методов борьбы со все растущей детской беспризорностью во всех ее видах. Революция, сопряженная с великими сдвигами во всех областях жизни и с великими бедствиями, дала совершенно новый детский материал. Война, беженство, голод, резкое изменение экономических условий, разрушение семейного быта, — все это вышвырнуло на большую дорогу огромное количество ребят; предоставленные самим себе, растущие, как бурьян в поле, они как-то должны были жить, приспособляться к новым условиям. Даже и у тех, кто не был выброшен на большую дорогу, привычные условия существования разрушены, расшатаны, а новые, иные, — только создаются; все эти дети и подростки настойчиво требуют помощи со стороны государства и общества. Своеобразные условия, в которых беспризорным ребятам пришлось жить и расти, значительно изменили их самих; огромное их количество резко отличается от той части детского населения, которой удалось остаться в нормальных условиях.

„Беспризорные“ — особая разновидность ребенка; эпитет этот заставляет не только обывательскую массу, но и многих рядовых педагогов относиться к нему с опаской. Нужна ли здесь опаска или не нужна — это другой вопрос; но несомненно, что ребята, беспризорные в той или иной форме, нуждаются в ином подходе, в иных методах воспитания и перевоспитания, чем ребята, живущие в нормальной обстановке. Новый материал нуждается, прежде всего, в изучении, без которого плановая работа и правильный охват всей беспризорной и правонарушительской массы невозможен. Недостаток опыта, некоторая теоретичность подхода привели уже к отдельным провалам в деле борьбы с беспризорностью. Провалы эти заставляют ставить ряд вопросов и искать ответы на них в исследовании живого детского материала не с помощью искусственного кабинетного эксперимента, а путем наблюдения ребят в их естественной обстановке.

Кто, собственно говоря, этот беспризорный, кто этот юный правонарушитель? Почему многие беспризорные бегут из детских домов? Во время недавно проведенной в Харькове кампании по ликвидации беспризорности из'ято было с улицы более трехсот человек детей (343), и около 30% их много раз были в детских домах, бежали оттуда, вновь попадали и вновь бежали. В чем же здесь дело? Думаем, что причина этих провалов заклю-

чается в недостаточном знании самого беспризорного и его быта. Условия, в которых он живет, формируют его и создают ряд особых навыков и привычек. Изучение личности беспризорного шло до сих пор по линии индивидуальной; он отрывался от своей среды, от коллектива, в котором жил, и изучался в несколько искусственной и непривычной для него обстановке. Между тем, наиболее правильным методом будет изучение беспризорного ребенка в коллективе, в котором он живет и который сам создает. Для надлежащего представления о массе беспризорных необходимо не отрывать ее от корней и почвы, на которой она выросла, хотя бы то была и нездоровая почва. Нельзя рассматривать беспризорного, как некий редкостный экземпляр; нужно брать его целиком во всем его окружении; в центре же внимания должен быть коллектив, в котором он живет. Беспризорный крадет, бежит из детских домов, бушует, дерется и т. д.; он с трудом укладывается в рамки детского учреждения, с трудом сливается с коллективом, ранее организованным в детском доме. Однако, на воле он живет не одиночкой, а стайкой, группой, имеет свои правила поведения и товарищеских взаимоотношений и т. д. Вскрыть сущность коллектива, в котором живет беспризорный, — насущнейшая задача, без разрешения которой дальнейшая педагогическая работа с беспризорными невозможна.

Коллективы уличных детей и, отчасти, детей бродяжек — такова наша тема. Мы, конечно, не претендуем ни в какой мере исчерпать эту огромную тему, требующую накопления большого материала; мы поделимся только своим небольшим опытом.

Под беспризорным обычно разумеется бездомный бродяжка, существование которого несколько не обеспечено. Однако, это лишь одна из форм беспризорности, — бездомность. Вторая форма — беспризорность скрытая, заключающаяся в отсутствии заботы, воспитательного воздействия, руководства со стороны тех, на чьем попечении находится данный ребенок. Коллективы тех и других ребят, обладав многими чертами сходства, имеют, однако, и резкие различия, и о каждом из них следует говорить особо. Различие в организации коллективов одних и других ребят и в их общественном поведении объясняется различием условий, в коих живут те и другие, а также и поводов, толкающих их к самоорганизации.

Обратимся к коллективам ребят со скрытой беспризорностью; их обычно, на разговорном языке, называют уличными ребятами. У них есть кров, есть хоть какая-нибудь семья, хоть минимум средств к существованию; но нет у них руководства, нет правильного обучения и труда, нет всего того, что вкладывается в понятие воспитательного воздействия. При скрытой беспризорности ребенок

или подросток не оторван окончательно от среды, из которой вышел; он ведет оседлый образ жизни, не совсем порвал с семьей, ее традициями и общепринятыми правилами поведения. У него нет ни школы, ни обучения ремеслу, он не связан ни с какой детской или юношеской организацией. Не совсем выпавший из своего класса, он, однако, не принадлежит ни к какому коллективу, за исключением самочинного, уличного. Ничем не занятый, предоставленный самому себе в полной мере, он проводит все свое время на улице. Главным образом, это пролетарские дети, родители коих заняты весь день вне дома; особенно тяжело отражается занятость родителей на тех семьях, где оба вынуждены работать вне дома или где одного нет вовсе. Безотцовство — после войны обычное явление. По материалам харьковской комиссии по делам о несовершеннолетних, из 358 ребят, прошедших в 1923 г. комиссию с теми или иными правонарушениями и живущих оседло, только у 156 (43%) живы оба родителя, у 102 (28,5%) только мать, у 18 (5,4%) — только отец и 82 (22,9%) — не имеют родителей вовсе — живут у родственников. Таким образом, у 57% ребят семейный состав ненормален. Сплошь и рядом родители не могут дать руководительства детям по невежеству, по темноте своей.

Припоминается один отец, с которым нам пришлось беседовать по поводу поведения его сына.

Ломовой извозчик по профессии, большой человек с окладистой бородой, возмущенно ответил на упрек в том, что он плохо смотрит за своим сыном: „Как плохо? почитай каждую субботу лупцовку даю!“. Интересуясь, как реагировали родители на тот или иной проступок мальчика, получаешь часто ответ: „Дал бою“, „Дал лупцовку“, „с полчаса полировал ремнем“ и иные образные, но мало утешительные выражения. Матери часто реагируют иначе — плачут. Следует обратить внимание еще и на другую сторону. Семья, вообще, в настоящий период переживает кризис: то, что служило оплотом ее в прежнее время, — религия, родительская власть и т. д. — взято под сомнение, особенно же молодым поколением; связь между родителями и детьми порвана. Да и не удовлетворяют ребят стены семьи: семейные конфликты резко отражаются на ребятах, создавая у них чувство одиночества, полной оторванности, и заставляют их искать удовлетворения вне семьи. Горе подростку, оторвавшемуся от семьи, если он не свяжется тотчас же со здоровым юношеским коллективом.

В делах комиссии по делам о несовершеннолетних можно найти ряд ярких иллюстраций того, что ставка на семью бита. Так, дочь одного торговца, став пионеркой, находит (может быть, слишком поспешно), что всех непманов нужно посадить в тюрьму. На вопрос несколько ошарашен-

ного отца: „и папочку тоже?“ отвечает, не задумываясь „папочку тоже“. Но вот перед нами мальчик, которому скучно дома. Мать его вечно молится богу и не позволяет ему читать газеты, так как там бога ругают; с пионерским же коллективом мальчик этот не связан. С ним дело обстоит хуже: не имея нужной пищи дома, он не получает ее и в здоровом коллективе, и его единственным прибежищем окажется улица.

Чрезвычайно показательны в этом отношении некоторые цифры, относящиеся к делам о правонарушителях. В 1923 г. из 366 ребят, живущих в семье и совершивших правонарушения, у 139 (38%) было признано состояние беспризорности, послужившее ближайшей причиной правонарушения. Ребята, живущие в семье, составляли 42% общего количества правонарушителей. В 1924 году первые 8 месяцев дали не менее 65% этих правонарушителей. Очевидно, с ребятами, живущими в семье, не все обстоит так благополучно, как многим кажется. Не станем говорить уже о таких случаях, когда семья не только не дает ничего положительного, но и оказывает глубокое тлетворное влияние на ребенка, — когда родители являются содержателями притонов, продавцами кокаина и т. д. Чрезвычайно часто сталкиваешься с родителями, глядящими очень легко на проступки ребенка (напр., кража угля со станции). Это кажется им таким незначитель-

ным, ибо так поступают ведь все соседи, да и „уголь-то казенный“. Вряд-ли такие отцы и матери могут руководить своими детьми. Положение дела усугубляется еще и невозможностью дать всем ребятам школу — как общеобразовательную, так и профессиональную; немалую роль играет и юношеская безработица. Ребята, главным образом 12—16 лет, не имеющие ни школы ни работы, остаются совершенно предоставленными самим себе: они, в сущности не менее беспризорны, чем бродяжки.

В процессе следственной работы нам пришлось обратить внимание на то огромное значение, какое имеет улица в жизни некоторых детей и подростков. Задача заключалась в самой яростной борьбе с отрицательными сторонами улицы, но далеко не всегдаследователь выходил из этой борьбы победителем.

Что-же, в конце концов, представляет собой улица и чем она страшна для ребят? Подросток, живущий в темном углу, среди грязи, постоянных семейных неурядиц, где забота о нем выражается лишь в субботних „лупцовках“, — идет на улицу, ибо ему больше некуда идти. На ближайшем углу он встречается с таким же выгнанным вслесскими неприятностями из дому, и пытается как-нибудь заполнить, убить свое свободное время. В результате образуется уличный коллектив, компания, связанная территорией, традицией и целым рядом

других, не менее крепких нитей. Не получая удовлетворения своим вполне законным запросам в семье, предоставленный самому себе без всякого руководства, без всяких перспектив в будущем, с узким горизонтом, но с большим любопытством и запасом энергии, подросток уходит на улицу, вливается в коллектив, обрабатывающий его своим влиянием и авторитетом.

Такого рода свободные сообщества ребят существовали во все времена. Мы знаем школьные объединения по разным поводам, зачастую имевшие свой язык, свои обряды и обычаи; знаем о школьных войнах одной группы ребят против другой. А ведь если две группы враждуют, каждая из них сознает себя, очевидно, единым целым. Вражда семинаристов и гимназистов в прежние времена повторялась в каждом городе и в каждом поколении; помимо ряда поводов, которые можно отнести за счет возраста, здесь были, вероятно, и причины социального, классового характера. Проф. Бельский указывает на два товарищеских объединения, которые ему приходилось наблюдать: „слама“ и „я с тобой в кружке“, и оба имели определенно утилитарные задания. Возникшие на почве недостатка продуктов питания, они имели своей целью дележку всего с'естного; это — своего рода касса взаимопомощи, в которой защита своего против чужака обязательна для всех.

Думаем, что и уличные коллективы существовали во все времена. Формула объявления войны между отдельными группами и лицами „ты на мою улицу не ходи“—старая формула. И если сейчас к этой формуле прибавляется презрительное „пацанок“, а в некоторых частях города—главным образом, среди старших ребят—уничжительное „дорогой“, то раньше произносилось какое-нибудь иное словечко, в равной степени выражавшее высшую меру презрения; суть же дела все та же. Вызванные ли потребностью во взаимопомощи или же атавистическим стремлением к драке и войне, столь свойственным детскому возрасту, все эти объединения проводят резкую грань между своим и чужим.

Всем детским самочинным объединениям свойственно стремление уйти от влияния старших—взрослых. Это—бегство от закона, диктуемого старшими, это—стремление дать выход тому, на что в обыденной жизни налагается запрет. Но если это так, то всякое самочинное объединение, стоящее вне общественной, должно привлекать к себе величайшее внимание и осторожность.

Гонимый полным одиночеством и потребностью в общении, в поисках удовлетворения своим запросам, подросток попадает в уличный коллектив, и здесь у него вырабатываются правила общественного поведения, взгляды и привычки, подчас очень далекие от общепринятых. Его социальные

навыки и чувствования складываются свободно, помимо воздействия старших, а иногда и вопреки тому незначительному воспитательному воздействию, которому он все-таки подвергается в семье. Его вниманию предлагается все то, что есть нездорового у городской улицы, — особенно-же, в наше время, — все приманки и соблазны города, а к тому же и пример старших, уже искушенных товарищей. Пример же — одна из самых мощных форм воспитательного воздействия. Если ребенок или подросток ничего в семье не получил, если ему не повезло в смысле школы, работы, пионерства и т. п., если он сам, в силу свойственных ему качеств (напр., повышенное любопытство, любожь к приключениям, легкомыслие), особенно доступен для уличных влияний, рано или поздно, его путь — путь правонарушений.

Вспоминаем первое свое знакомство с одним из таких коллективов. Поводом к нему послужило правонарушение, совершенное группой ребят, очень разнородной по своему составу. Обследуя условия, в которых они жили, мы узнали, что ребята проводят все время на улице в своей большой кампании. По мнению одной из матерей, товарищи „сбивали“ ее сына. Выяснилось, что на углу одной из ближайших улиц был дом, полуразрушенный, никем не обитаемый, с широким крыльцом. На этом крыльце и собирался „клуб“, как называли сами ребята это товарищеское об-

единение. Группа ребят, принадлежавшая к своеобразному „клубу“, была невелика, человек в 25; по возрастному составу разнообразная—от 12 до 18 лет с преобладанием 14—16 лет. Клуб этот был расположен на окраине, имеющей полудеревенский характер, заселенной рабочими, молочницами, огородниками и т. п. Мы упоминаем об этом потому, что характер района, в котором расположен „клуб“, отражается и на характере самого „клуба“. Из 25 клубников только один посещал школу, и то первую зиму, а один лишь месяца три работает на производстве. Все остальные абсолютно свободно располагали своим временем; все они жили в семье—своей или чужой; по социальному составу в большинстве—дети рабочих. Из этой группы в 25 чел. не меньше 12 прошли через комиссию о несовершеннолетних с теми или иными правонарушениями (хулиганство, набеги на сады, вандализм, нанесение побоев, кража). Таков был состав объединения уличных ребят, с которым мы впервые столкнулись. Около года у нас с ними было довольно тесное общение и встречи во время обследования района. За это время состав группы значительно менялся, но ядро и традиции оставались все те же.

Другая группа, собиравшаяся в скверике на центральной улице того же района, значительно отличалась от ребят дальней окраины—как по социальному составу, так и по привычкам. Тут

больше детей торговцев, кустарей, нередко и сами ребята занимаются торговлей. Окраинные ребята бывают на кино в рабочем клубе (лекций они не посещают — скучно), центральные — ходят на танцевальные вечера, посещают кино вне клуба, изредка бывают в театре. Если окраинные ребята пьют самогон, то центральные — вино и наливку. В одной из частей города усиленно варят самогон — почти в каждом доме свой завод. „Клубники“ этого района всегда в курсе всех самогонных дел: кто варит, где купить, у кого лучший и свежий самогон; при случае они не прочь выпить. Другая окраина расположена около линии железной дороги. Углем с линии в 1921-22 г.г. отапливался почти весь район; там ютилось много взрослых и несовершеннолетних, занимавшихся кражей угля и грузов с линии. Ребята этих улиц очень легко втягивались в такого рода правонарушения.

В иных местах сложился тип уличного хулигана — „битка“ на языке улицы. Там есть своя манера одеваться, свои законы, моды причесок, обуви и т. д. Каждый уважающий себя „биток“ этого района считает своим долгом следовать этой моде, младшие тянутся, конечно, за старшими. Нередко наблюдаешь превращение 14-летнего „пацанка“ в героя уличных походов, заправского „битка“. Клок волос, выпущенный из-под фуражки, расстегнутый ворот, кожанная куртка, „клевш на 42“ (такие широкие внизу брюки, чтобы из-под них виден

был только носок ботинка), белые резинки на высоком каблуке, походка в раскачку, папираса в углу рта, смачное сплевывание, виртуозное сквернословие, — вот облик 17—18 летнего подростка — „битка“ (в идеале, конечно). На этой окраине особенно часты случаи хулиганства, побоев и ножевых расправ. Здесь же уличные ребята избрали своей штаб-квартирой рабочий клуб, где очень часты дебоши и драки; не менее 4—5 раз в неделю вызывается сюда милиция для улаживания скандалов.

Иногда центром, вокруг которого собираются ребята, служит кино. Яркий фонарь на плохо освещенной улице, папиросники, торговцы с лотками всяких сластей собирают вокруг себя уличных ребят, жаждающих развлечения. Кино — место, где можно встретить и девочек, сильно втянутых улицей и находящихся на пуги к проституции или уже простигулирующих. Должно отметить, что на окраинах, носящих полудеревенский характер, мы не встретили ни одного товарищеского объединения девочек, и ни в одно товарищеское объединение девочки не входят на ролях равноправных членов. Более пассивные, они удерживаются в стенах дома, хотя и входят в соприкосновение с улицей через своих „партнеров“ по ранним романам.

Необходимо отметить ту „диффузию“, которая происходит постоянно между миром „блатным“ (правонарушители-профессионалы) и между улич-

ными ребятами. Доказательством тому может служить хотя бы, напр., „блатной“ язык. Воровской жаргон, по существу почти неизвестный широкой улице в 1920 г., сейчас стал языком улицы. Ребята улицы, сумевшие попасть в школу и на производство, приносят его и туда; ни одно уличное объединение не пользуется своим собственным условным языком, употребляя общий „блатной“.

Если бы связь с „блатным“ миром выражалась только в усвоении языка, это, конечно, было бы нестрашно; но она гораздо глубже и теснее. Определенное количество ребят улицы постепенно втягивается в него и, отрываясь от семьи, пополняет собой кадры профессионалов-правонарушителей. Улица — подготовительная школа для правонарушителей. То, что происходит с языком, повторяется и с песнями. Есть свои „блатные“ песни, которым нет еще дороги на улицу; они складываются и поются в узком кругу уголовной публики и говорят о вещах специфических. Но многие песни поются и там и на улице. Воровские песни, воспевающие „славные“ подвиги и печальную участь „героя“, быстро усваиваются ребятами. Юности, вообще, свойственна любовь к героическому; уличным ребятам здоровый героизм оказался недоступным, и улица поднесла им героев ножевой расправы и прочих подвигов. Песня о том, как „Ромашка“ стал жертвой „Васютинских“ парней, как он звал на помощь своего верного товарища „чеснока“ и,

умирая в больнице, заявил, что „хоть зовусь я хулиганом, но дрался я без ножа“, — поется на жалобный заунывный мотив и не может не трогать ребят. А поется эта песня и правонарушителями и уличными ребятами. Песенное творчество улицы и „блатного“ мира еще ждет своего исследователя.

Какое происхождение имеет обычай давать всем прозвища, мы затрудняемся сказать. Быть может, это подражание „блатным“, но ведь у „блатных“ это вызвано практическими целями самосохранения. Возможно, что это обычай более глубокого происхождения; ведь в деревне и сейчас прозвища дают всерьез, там настоящая фамилия часто неизвестна односельчанам. Можно предположить, однако, что обычай давать прозвища выражает детское стремление охарактеризовать человека по своему. Так или иначе, но редкий член коллектива не имеет своей клички. Кличка отмечает самое характерное, яркое, отличное; она служит выражением и порицания и восхищения, увековечивает достославные дела, а часто несет с собой насмешку, издевку. Любопытные, жадные до новых впечатлений, уличные ребята очень склонны к насмешке, к острой шутке; это, можно сказать, великие издеватели. Не всегда удастся добраться сразу до внутреннего смысла клички. Самое слово, по каким то своеобразным законам, меняет свою форму, и только после долгих расспросов добиваешься до сути дела.

Вот пример: мальчика называют „кэбан“. Оказывается, это измененное слово „кабан“, а мальчик назван так за свою круглую, сытую, розовую физиономию. Подростка называют „пып“ — как-будто бессмысленное слово, которое связано, однако, с определенным событием. Этот подросток вытащил из погреба у попа („пiп“ по-украински), живущего в этом районе, сало, и назван был „попiвським салом“; кличка оказалась слишком длинной и переделана была в „пыпское сало“, а отсюда — короткое „пып“. Другой подросток некогда повесил кошку, в чем-то провинившуюся; с тех пор прилагательное „кошачий“ неразлучно с его именем. В большом ходу прозвища, отмечающие внешний признак, физический недостаток — „кривой“, „косой“, „рыжий“ и т. д. Во многих случаях кличка выражает свойства внутреннего характера. Так, например, мальчика, отличавшегося большой любознательностью, охотно читавшего, если попадались, книжки, очень желавшего учиться, ребята в насмешку прозвали „профессор“, а так как он, к тому же, был рыжий, то прибавили „ржавый профессор“. Кличка звучала так обидно, что когда компания рассказывала нам об этом в присутствии ее владельца, он от конфуза расплакался. Кличка осуждает, хвалит, издевается, выражает почтение и т. д.; в ином случае она вскрывает общепринятые суждения и оценки этического характера. Так, в одном уличном коллективе на окраине полусельского типа был мальчик,

которого иначе, как „базарник“, и не называли. Происхождение этой клички таково. В данном коллективе считалось допустимым стащить у соседа курицу, выломать доску из забора, стащить пару колес, валявшихся на дворе; но ходить на базар и воровать с возов и из корзинки считалось позорным. Этот мальчик хотя и жил в семье, но систематически воровал на базаре; таким образом, в кличке выразилась моральная оценка целого коллектива. Знание клички и в практической работе всегда необходимо; только тогда легко ориентироваться в товарных связях и взаимоотношениях, легко сведения о мальчике получать от его товарищей.

Чем заполняется время у всех этих ребят? Главное место занимает, выражаясь громким словом, „клубное“ собрание; это тот котел, в котором варится каждый новичек. Здесь шутки, рассказы, игры — картежная, в том числе; здесь же организуются приключения и правонарушения — набег на сад, кража с воза у проезжающего мужика, какой-нибудь фортель с прохожим; неумеющие курить и играть в карты — тут научатся. Кроме карт, в большем ходу среди младших ребят игры „в слепца“, „под стеночку“, „на медную“; распространены мяч, городки, а сейчас безраздельно царит футбол. На особом положении находится увлечение голубями и картами; голубиный азарт в большом ходу в некоторых районах города. В праздничный день, особенно летом, можно видеть группу играющей

в карты молодежи. Играют не только дети и подростки, но взрослая рабочая молодежь; к ним же примазываются младшие мальчики. Втянувшись в азартную игру, ребята крадут из дому и всяческими способами добывают для того деньги.

Далее идет кино. Нам не приходилось видеть подростка, который не любил бы кино — любят приключенческие, уголовные и комические картины. Цирк занимает второе место после кино. Любовь к кино и цирку говорит о жажде новых, ярких впечатлений. Все деньги, попадающие в руки ребят — легальным или нелегальным путем, — если не проигрываются сейчас же в карты, тратятся обычно на лакомства, папиросы, кино и цирк. Алкоголизм распространен не сильно: пьют больше при случае, из ухарства, чтобы доказать свою взрослость; но скорее истратят деньги на кино, чем на самогон. Пристрастие к лакомствам, к вкусному, сладкому служит причиной многих домашних краж. Это относится, главным образом, к возрасту 12 — 14 лет и, сравнительно реже, к старшему.

Прозвища, язык, манера одеваться, совместное времяпрепровождение. — все это еще не дает права называть скопление уличных ребят коллективом. Однако, тут, конечно же, не простое скопление, а коллектив. Группы эти, связанные территорией и традицией, имеют свою внутреннюю организацию, общественное мнение, правила поведения. Главное же, они сами себя осознают единым целым, про-

тивополагая себя другим группам и отдельным личностям. — „У нас нельзя“, „Мы не любим“, „Так у нас водится“, „Мы им прохода не даем“ и т. п., — все эти выражения говорят о том, что ребята чувствуют себя связанными воедино каким-то неписанными, но крепкими законами; все это признаки коллектива. Правда, состав его не так уж твердо фиксирован; постоянно кто-нибудь, отвлеченный от улицы тем или иным счастливым случаем, уходит; отдельные члены данной группы переходят в другой близлежащий коллектив или, в худшем случае, совсем отрываясь от семьи, впадают в состояние явной беспризорности.

Какова же внутренняя организация коллектива? Нам не приходилось наблюдать единоличного вожачества в виде деспотического командования одного в целой группе. Есть группа ребят, обладающих качествами, которые считаются достоинством (силен, ловко дерется, всегда при деньгах, мастер украсть и т. д.); они именно и являются руководителями общественного мнения, они и задают тон. Может быть, в некоторых случаях они, как более инициативные, являются организаторами, но такого рода организаторы выдвигаются по каждому отдельному случаю.

В противоположность бродяжкам, подчиняющимся беспрекословно своему вожаку и выполняющим его задания, уличные ребята довольно независимы в отношении своих руководителей. Они

признают их авторитет, считаются с их мнением, следуют их примеру, прибегают к их защите, но вместе с тем сохраняют большую долю самостоятельности. Правда, кулак и здесь уважается достаточно сильно, но это не орудие управления — это лишь способ поддержания „справедливости“, как она здесь понимается. Уличный коллектив более демократичен, и руководители пользуются влиянием в силу авторитета и обаяния. Такая разница объясняется, думаем, тем, что уличные ребята меньше нуждаются в защите своей верхушки, чем бездомные. Вожак бездомных всегда более инициативен, сообразителен и удачлив, его помощь необходима более слабым членам коллектива. У уличных ребят, благодаря оседлому образу жизни и хотя бы некоторой материальной базе в семье, нет такой большой зависимости, а потому подчинение — это лишь дань восхищения и только в небольшой доле — боязнь кулаков. Верхушка, управляющая коллективом, состоит, главным образом, из старших ребят, являющихся руководителями общественного мнения и хранителями традиций. Влияние ее бывает настолько велико, что изъятие или распыление верхушки часто ведет за собою распад и всей тесно спаянной группы.

Второй характерной чертой является граница между своим и чужим. Чужое это что-то такое, в отношении чего допустимо все самое дурное. Выражаясь кратко, — „бей чужого“.

Однажды парнишка явился в гости к своей тетке, живущей на другом конце города; там орудовала как-раз теплая сплоченная компания, которая жестоко побила гостя. Когда в процессе обследования мы пытались выяснить причину избиения, то получали один ответ: „Чего он к нам ходит — он тут не живет, мы его не знаем“. Побить своего можно только за дело, чужого — ради удовольствия. Чужого можно выдать, обмануть, обыграть в карты мошенническим образом; плутовать же в карты в игре со своими совершенно недопустимое дело, и за это здорово влетает. Над чужим, конечно же, можно поиздеваться всласть. У взрослых содержание понятия „свой“ гораздо шире, чем у беспризорных ребят. У последних оно крайне узко; граница его — граница коллектива. Благодаря всему этому, ребята легко идут на всякого рода правонарушения. Ведь, по их понятиям, с чужим всегда можно дурно обойтись. Случаи же, когда член одного и того же объединения надул или обокрал своего же, редки и ведут за собой выпадение из группы.

Припоминается такой факт из практики детских правонарушений. Два подростка, принадлежавшие к одному коллективу, попались в краже. Один из них, руководитель — умный, смелый парнишка, которому некуда девать свою энергию, второй — рядовой член группы, отсталый, вялый мальчик; компания эта вывинтила у себя на улице две

электрические лампочки. Оба были притнуты к ответу, при чем второй выдал руководителя — инициатора. В результате — об'явление войны всей группой выдавшему товарища — „ты на мою улицу не ходи“. Паренек положительно не мог высунуть носа на улицу: при всякой встрече каждый член коллектива считал своим долгом напомнить ему, что он „лягавый“, и награждал его тумаками.

Общественное мнение коллектива деспотично; оно настаивает на подчинении правилам и обычаям коллектива, требует стремления к определенному идеалу, воплощенному в лице верхушки. Для поддержания престижа у общественного мнения и его руководителей имеется сильное и гибкое оружие — насмешка. Тщеславное желание попасть в руководители, в число тех, кто задает тон и пользуется уважением, является стимулом для приобретения уличной доблести, для усвоения всех тех привычек, которые считаются похвальными. Если к этому прибавить правило „не отставай от компании“, становится понятным, какой обработке подвергается новичек. Ради соблюдения этого основного правила выучиваются курить, пить самогон, хотя бы это и было противно, играть в карты и т. д. Опасения отпасть от коллектива, пример верхушки, боязнь насмешки, а, может быть, и кулака, — таковы мощные средства обработки вновь пришедших. Это — власть коллектива.

Основные правила коллектива таковы: защищай „своих“, не церемонься с чужими, не выдавай товарища, не отставай от компании, соблюдай правила игры. Такая увлекательная штука, как гонка голубей, способна иногда ввести в грех завязанного голубятника и заставляет его, нарушая правила игры, осадить чужого голубя; но за это обычно следует возмездие. Мы знаем случаи, когда подросток, нарушивший правила голубиного спорта, был жестоко избит своими же товарищами; когда дело дошло до разбирательства, целая группа по собственной инициативе явилась в комиссию, чтобы подтвердить, что „били за дело“, чтоб не мошенничал. Красной нитью через все конфликты ребят проходит метод водворения справедливости насилием. Физическая сила, вообще, пользуется уважением: кулаком наказывают за нарушение товарищеской этики, кулаком отвечают на оскорбление, и в побоях не видят ничего обидного. На вопрос, бьют ли их родители, часто отвечают: „нет, не бьют; ну, когда балуюсь, дадут за дело“. Лишь в тех случаях, когда бьют „зря“, „задарма“, за что попало и по чем попало, ребята воспринимают это, как несправедливость; за проступок же всякое наказание, в какой бы форме оно ни было, считается естественным.

Праздношатание, погоня за развлечениями, чтобы убить время, отсутствие привычки к регулярному труду, расхлябанность, беспечность — таковы

результаты длительного пребывания на улице. Характерно также для этих ребят отношение их к чужей собственности. Украсть можно, если нужны деньги; украсть лозко и смело — даже доблесть, достоинство. И уличные ребята воруют по мелочам, постепенно втягиваясь и привыкая думать, что в краже ничего постыдного нет. В суждениях по этому поводу преобладают аргументы практического характера: „нельзя воровать потому, что можно попасться, потому что в тюрьму сажают“. Общественное мнение уличного коллектива, в большинстве случаев, разрешает красть, а оно имеет наибольшее значение для данных ребят.

Сплошь и рядом кража воспринимается только, как забавное приключение, ловко придуманная штука. Однажды группа ребят собралась в своем обычном месте. Проезжает крестьянин по улице; на возу мешок с овсом, этак с полпуда. Решают стащить его; ловко отвлекают внимание крестьянина и уносят мешок. Материальная выгода ничтожна, но занятно проделать все это на глазах у всех. Понадобилось много усилий, чтобы заставить ребят посмотреть на это забавное приключение с другой точки зрения, и мы не уверены, что усилия эти были успешны. Двойственность этики, уважение к физической силе, метод действия насильем, примитивность правовых понятий, — все говорит о том, что уличные ребята

морально запущены, и эта моральная запущенность создает благоприятную обстановку для вступления на путь систематических правонарушений. Достаточно такому подростку оторваться от семьи, попасть в затруднительное положение, испытать материальную нужду, — и правонарушения в той или иной форме являются для него единственным выходом. К этому же выходу ведет и любовь к приключениям, вообще свойственная переходному возрасту, а современным ребятам, росшим среди бурных событий и всеобщей ломки, в особенности.

В 1922 г. нам пришлось вести обследование группы ребят в 6 чел., совершивших ряд тяжелых правонарушений (вооруженные ограбления). У всех ребят время ничем не было занято, и сплоченная группка проводила все дни на улице. Семейная обстановка у всех была неблагоприятная, руководства никакого. Они принадлежали к типичному уличному коллективу в торговой части города. Кино, танцульки, хорошие папиросы, фантозство (чтобы не отстать от товарищей), подарки девушкам, флирт. А отсюда — ножевая драка, мелкие кражи из незапертого помещения (декорации из летнего помещения театра — для своего любительского спектакля), кража книг с чердака не для продажи — для чтения (чтение авантюрных романов и уголовных походов). Наконец — в момент „смертельного дикофта“ (безденежья) —

„стоп“ — вооруженное ограбление, сошедшее благополучно, и вслед за ним целый ряд других. Такова обычная история уличных ребят, дошедших до тяжких проступков. „Вооруженные грабители“, в большинстве своем, оказались одаренными, активными, с выдержкой и волей, с живым воображением. Поставленные в другие условия, они вскоре совершенно переродились. Крупные „преступники“ оказались просто заброшенными подростками, не получавшими того, на что они имеют законнейшее право. И можно с уверенностью сказать, что таков путь многих и многих, через улицу — к правонарушениям.

Наряду с дурными навыками и привычками у уличных ребят сложились своеобразные понятия о чести и справедливости, развито чувство товарищества, а, главное, есть навык подчиняться „громаде“, жить — в большей или меньшей мере — в коллективе. Этим самым намечается и путь к их охвату: тут не требуется особого медико-педагогического воздействия — здоровый коллектив, регулярный осмысленный труд быстро стирают налет улицы.

Переходя к коллективам детей-бродяжек, следует оговориться. Нам лично не приходилось вести длительного наблюдения над коллективами бродяжек в естественной обстановке: часть материала добыта нами из рассказов ребят о своей жизни на „воле“; другая часть — из собственных

наблюдений над коллективами бродяжек, но уже перенесенными в стены детских учреждений (пока им совершенно чуждых).

Коллективы бродяжек и правонарушителей вызваны к жизни другими причинами, чем коллективы уличных ребят: они более своеобразны и в своем поведении более уклоняются от общепринятого. Здесь стимулом к образованию коллектива было не бегство из неблагоприятной семейной обстановки, не избыток свободного времени, не жажда деятельности и новых впечатлений, а настойчивая необходимость объединиться в интересах самосохранения и взаимопомощи. Бродяжки — народ вольный. Бродяжат они по всем дорогам и бездорожьям нашего союза, перекатываясь от Архангельска до Севастополя: живут стайками, как-то организуются, объединяются. Общественное поведение бродяжки иное, чем у ребенка, живущего в условиях семьи; его социально-этические чувствования развиваются свободно, без всякого давления воспитательного процесса. Бродяжка совершенно оторван от той среды, откуда вышел, и его существование совершенно не обеспечено. Способы доставать хавушку (еду) разнообразны: тут и нищенство, собирание отходов, мелкая кража, иногда совсем мелкая торговля папиросами, водой, ирисом и т. д., иногда случайный заработок. Местожительство его также случайно — вокзал, вагон, ночлежка, пустующий рундук на

базаре, землянка, сооруженная собственными силами, заброшенный подвал, иногда и внутренность деревянного афишного столба и т. д. Бродяжка совершенно одинок и слаб. Помимо настойчивой необходимости добыть еду и хоть какую-нибудь одежду, время его заполняется нездоровыми развлечениями: нюхание кокаину, карты, алкоголь, ранняя половая жизнь для ребят старшего возраста, половые извращения. Тяжесть самой обстановки среди грязи, холода, скученности оставляет особый след на ребенке, пробывшем долгое время в состоянии беспризорности.

Вряд ли когда-нибудь забудется нами ночь, проведенная среди большой партии бродяжек. Как-то в одну ночь, на улицах большого города было забрано 300 ребят. Для первого ночлега они были размещены в огромной комнате, имевшей совсем другое назначение (клуб). На ночлег ребята расположились венком вдоль стен. Это была груда истощенных, грязных, раз'еденных паразитами тел, еле прикрытых отрепьями. Вскрики, храп, ожесточенное почесывание, толкотня из-за места, открытое онанирование; тут же рядом—спит хлопец, страдающий недержанием мочи. Конечно, для многих ребят ночлег в такой или подобной обстановке проходит не день и не месяц, а иногда годы. На утро—мутные глаза, бледные опухшие лица, раздражительность и большое желание дать кому-нибудь „по кумполу“ (голова). Такова обстановка,

в которой живет беспризорный, да и правонарушитель,—исключая особо удачливых и умелых.

Следует заметить, что довольно трудно поставить резкую грань между правонарушителем и собственно беспризорным: все беспризорные, в большей или меньшей степени,—правонарушители. Если, однако, в дальнейшем мы будем говорить о коллективах правонарушителей, несколько выделяя их, то разумеем под этим понятием правонарушителя-профессионала, специалиста, из имущественного правонарушения сделавшего основной источник своего существования. От собственно-беспризорного, живущего нищенством или случайным заработком, до профессионала-правонарушителя (блатного)—целый ряд ступенек; но различие между коллективами тех и других скорее количественное, чем качественное. У всех беспризорных, включая и правонарушителя (у последних это, конечно, ярче, так как они самим своим занятием поставлены за черту общества), ярко выражено противопоставление себя всем остальным гражданам. Стоящие по ту сторону, они привыкают смотреть на самих себя, как на отщепенцев общества; живущие волчьей жизнью, воюющие со всеми, они смотрят на каждого „штыпа“ (чужого), как на врага, либо как на естественную добычу.

Вся беспризорная масса не представляется единой компактной массой: и там есть ряд раз-

делений и группировок, иногда враждующих друг с другом. Впрочем, об этом ниже; сейчас же мы продемонстрируем на примере ту спайку, какая существует у всей массой беспризорных перед лицом чужака. В одно из детских учреждений была брошена группа детей в 100 человек, только что забранных с улицы. Группа крайне различная по своему составу: тут и дети совсем свежие, недавно брошенные на улицу, и правонарушители и нищенки. Некий „Пузан“, пользовавшийся влиянием в своем тесно-спаянном коллективе (20 человек) и нещадно эксплуатировавший младших и слабых, за буйство должен был быть удален в изолятор; против этого все буйно протестовали и, когда наконец, в качестве последнего средства, он крикнул: „Эй ребята, Пузана, бьют“,—100 человек, забыв обиды и побои Пузана, как один бросились на помощь. Воспитателю, нужно признаться, основательно тогда „влетело“.

То же можно сказать и о вновь приехавшем в данный город. Ему все расскажут, предостерегут от местных опасностей, укажут ночлег, а также места, где можно выгоднее продать краденое, посвятят его в дела детских домов и т. д.; он никогда не будет одинок в новом городе. У „блатных“ такое братство взаимопомощи резче выражено, у беспризорных—слабее. Они предпочитают путешествовать стайкой в несколько человек,

чтобы легче было приспособляться в новом городе. Весной целые группы передвигаются на юг к морю, держась и там вместе. К зиме собираются в большом городе, так как там больше шансов попасть в детское учреждение для зимовки и, вообще, легче устроиться. Работникам по борьбе с беспризорностью известно, что достаточно в каком-нибудь городе открыть широкий прием в детские дома, чтобы тотчас же стали прибывать туда целые группы из других мест. Одиночек приходит, сравнительно, мало; в большинстве случаев 5—6 человек друзей, желающих обязательно попасть все вместе.

Вообще говоря, коллективы блатных более определенны, лучше организованы и спаяны, чем коллективы нищенков. Объясняется это не только их более длительным состоянием беспризорности, но и большей активностью. Профессионалы, в большинстве, более одарены, обладают выдержкой, смелостью, сметкой, инициативой. Нищенки же, более пассивные, слабые и вялые, остаются на вторых ролях, и их коллективы мало организованы, скорее распыляются и ассимилируются. Блатные коллективы очень дифференцированы. Там ряд специальностей: скокаря на тихую и на скорую (квартирный вор без взлома и со взломом), шармачи, поездные воры и т. д. С другой стороны, хороший вор — настоящий „урка“ — смотрит пренебрежительно на мелкого „сявку“, который и „постре-

лять" (просить милостыню) не прочь, и зарабатывает трудом, если случится. Верхушки блатного мира составляют "тузы" — умелые воры, хорошо одетые, имеющие свою квартиру. Подростки редко попадают в число тузов. В большинстве своем, это взрослая публика; но "ходить с тузами", тереться подле них, быть принятым в их компанию — это, конечно, честь. "Тузы" и "урки", глядящие сверху вниз на "сязку", пользуются, в свою очередь, ненавистью со стороны последних. Один из "сязок", мелкий базарный вор, как-то заявил нам относительно тузов: "мы их презираем, они жирные и богато одетые, а мы дохлые ходим". Сязка не выдает туза "менту" (милиционеру), но вражда ко всякому сытому, свойственная всем блатным и беспризорным, распространяется отчасти и на него.

Все эти разнообразные группы враждуют между собой; урки часто обижают нищенок, презрительно именуя их "кусочниками" и дураками (воровать выгоднее, чем просить; не крадет, — значит, дурак, не умеет), но они же в момент неудачи не брезгуют нищенками, вырывая у них кусок послаще. Однако, перед лицом каждого чужака, стоящего по другую сторону черты, они разбиваются на ряд мелких коллективов, на ряд маленьких, но более тесных объединений.

Если взять всю массу беспризорных, теснящихся обыкновенно вокруг вокзалов, можно насчи-

тать следующие группировки: 1) торговцы (папиросы, ирис, летом — вода и т. п.), чистильщики сапог, „подносчики“ вещей, тачечники — все они ютятся вместе и разбиваются, в свою очередь, на отдельные маленькие группы — собственно, коллективы (у торговцев и рабочих эти коллективы наименее спаяны); 2) нищенки, полублатные, полуподносчики, отчасти „связки“ и 3) собственно „блатные“ — наиболее ярко выраженные и оформленные коллективы.

Как возникают все эти коллективы? В одном рассказе, написанном беспризорным и носящем явно автобиографическую окраску, описывается следующее. Некий „Гусь“, имевший привычку и умевший добывать себе еду, обшаривая все вагоны вновь прибывших поездов и собирав забытые или брошенные пассажирами съестные продукты, встретил однажды менее опытного, беспомощного „дедушку“ и предложил ему „работать на пару“. Несколько времени спустя к ним присоединился третий — „армяшка“. Этому пришла мысль украсть мешок у проводника, и он нуждался в помощниках. Позже к ним присоединился четвертый и т. д. Полагаем, что такой порядок образования коллективов — наиболее обычный и нормальный: об’единившись вначале лишь для одного какого-нибудь конкретного предприятия, требующего совместных усилий, участники в дальнейшем „работают“ уже вместе, постепенно спаиваясь между собой.

Состав этих коллективов текуч, хотя основное ядро всегда остается. На каждом вокзале, базаре, ночлежке есть группа или несколько групп абorigенов, вокруг которых ютится пришлый, случайный элемент: впрочем, нередко случаи и длительных товарищеских связей. Довольно часто приходится слышать от ребят такие выражения: „Мы с ним корешкуем 2 года“, „Я с ним хожу 4 года“. Нам приходилось наблюдать коллектив беспризорных в 7 чел., живших тесной группой в течение одного года и ни в коем случае не желавших расставаться. Жили эти ребята в пустом помещении на одной из главных улиц; главой коллектива, командиром его в полном смысле слова, был парень лет 15, энергичный, настойчивый и упрямый. Остальные члены коллектива беспрекословно подчинялись ему, немедленно исполняя все его распоряжения. Итти в детские учреждения эти ребята упорно не желали; систематическим воровством тоже не занимались, живя отчасти на средства „комиссии помощи детям“, а отчасти — милостыню.

Надо сказать, что это редкий случай единовластия; чаще же наблюдается господство в коллективе руководящей группы. Так, в одном из детских учреждений был принесен с улицы коллектив в 20 человек, тесно спаянный; руководящая верхушка состояла из 7 человек. Власть этой верхушки держится не только благодаря помощи и обаянию руководителей, как это мы наблюдали

у уличных ребят, но явным насилием со стороны руководителя, злоупотребляющего своим привилегированным положением. Еще один случай: в одном детском доме водворяется большая группа беспризорных ребят, и в ближайшие же дни можно наблюдать такую картину. Часть ребят быстро ассимилируется, укладываясь в рамки дома; вожаки принесенных с воли коллективов, более инициативные и непокорные, становятся в оппозицию всему укладу детского дома; наконец, третья группа — колеблющиеся. Вот эти-то колеблющиеся часто жалуются, что вожаки бьют их, заставляют выполнять свои задания, отнимают у них вещи и пищу в случае непослушания.

Вообще, уважение к физической силе и презрение к слабым, неприспособленным резко, выражается у бродяжек. В материалах любого детского учреждения, имеющего дело с беспризорными, непосредственно взятыми с улицы, можно найти множество фактов, подтверждающих сказанное. Руководящая группа бесцеремонно присваивает себе лишние порции хлеба и каши, выменивает лучшую одежду и т. д. Пассивная и вялая масса сносит молчаливо эти обиды, покрывая вожаков и не допуская вмешательства воспитательского персонала. Характерный случай рассказывает Анна Гринберг*. Группа вожаков аккуратно получала

* Анна Гринберг. — Рассказы беспризорных о себе. Изд. „Нов. Москва“, М. 1925 г., ц. 50 к.

дань в виде пищи и части одежды с группы татарских ребят; эти последние объясняют дань тем, что вожаки защищают их от побоев других ребят. Несомненно, вожак оказывает помощь и поддержку рядовому члену коллектива, но вознаграждает себя за это „сторицею“. Вожак всегда сытее, лучше одет; он часто отказывается исполнять черную работу, взваливая ее на других. В то же время он является хранителем традиций и блюстителем справедливости, своеобразно понимаемой. Вожаком, в большинстве случаев, бывает наиболее одаренный, сильный, ловкий, инициативный; если удастся охватить педагогическим влиянием руководящую группу, обычно весь коллектив следует за ней.

Чрезвычайно любопытную ситуацию пришлось нам наблюдать в одном из открытых детских учреждений. Там образовалось два коллектива (впрочем, оба были принесены с воли). Одна группа старших — сплошь „блатных“, с довольно большим стажем — оказалась поводырем всей массы ребят. Они составляли исполком, руководили, организовывали всю жизнь. Активные, прекрасно знающие своего брата-беспризорного, они были увлечены строительством нового учреждения. Относительно своих прошлых правонарушений они выражали твердое намерение бросить — „завязать“, как говорится. Вот это последнее обстоятельство, — их намерение „завязать“ — вызвало негодование со стороны другого коллектива, не менее спаянного.

но не собиравшегося бросить воровство. Нужно заметить, что „блатная“ публика не всегда одобрительно относится к уходу своих собратьев из своей среды, рассматривая это, как некоего рода ренегатство. Положение исполкомцев в этом учреждении, в силу указанного обстоятельства, было чрезвычайно трудным. Все их добрые начинания — в смысле организации — разбивались об оппозицию второго коллектива, не желавшего подчиняться постановлениям исполкома. Оппозиция приносила в учреждение кокаин, карты, выпивку, крада у слабых ребят одежду, избивала их и постоянно угрожала исполкомцам. Между тем, если это учреждение могло кое-как существовать, то благодаря исключительной энергии и любви к делу исполкомцев.

Дело дошло до того, что эти виды выдавшие исполкомовцы — даже семнадцатилетние „блатные“ — не могли выходить из своего учреждения: когда они отправлялись обедать в столовку, там подстерегали их друзья оппозиционеров (со стороны приходили) и жестоко их избивали. И им пришлось поставить вопрос о том, нельзя ли присылать обед исполкомовцам в самое учреждение (столовка открыта в нескольких кварталах), чтобы им не приходилось выходить на улицу.

Исключительный интерес представляло экстренное расширенное собрание исполкома с участием педагогов и двух-трех общественных работников

по вопросу о мерах борьбы с бунтарями-нюхателями. После обстоятельного, серьезного доклада, в котором не было никакой риторики, но много деловитости — один за другим высказывались отдельные исполкомовцы. Они яркими примерами иллюстрировали создавшееся положение, тут же обсуждали кандидатуры бунтарей, которых необходимо удалить из учреждения, несколькими меткими словечками давали им исчерпывающую характеристику. Столько было тут педагогического подхода и такое знание людей, что диву даешься. По поводу тех или иных буянов, занесенных в проскрипционный список, раздается вдруг такое замечание: „этот исправится, с ним еще можно, попробуем“; в другом случае такое замечание: „нет, этого трогать нельзя, воровать пойдет и совсем погибнет“ и т. д.

Опасаясь, как бы тут не было личного пристрастия, мы на это указали. В ответ слышали протестующие голоса, полные собственного достоинства: „У нас, товарищ, этого нет, боже упаси; мы тут личных счетов не сводим, будьте спокойны“.

Помимо этих двух, ярко выраженных и тесно спаянных коллективов, вся остальная масса ребят была довольно индифферентна. Эти ребята частью втягивались в организационную работу, частью замалчивали все из страха насилия оппозиционной группы, а изредка и присоединялись к шумным выходкам бунтарей. Легко возбудимые и мало-

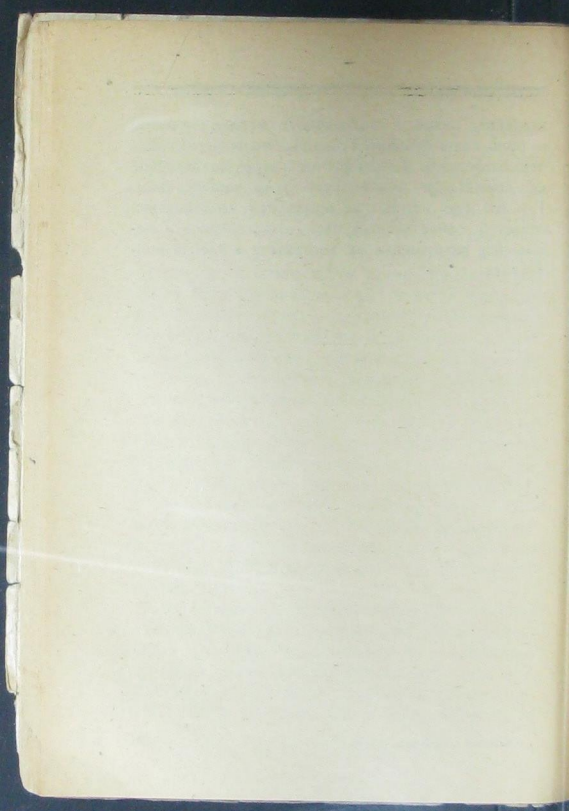
дисциплинированные, беспризорные всегда охотно присоединяются к всякому „тарараму“ (шуму).

Что до взаимоотношений между рядовыми членами коллектива, то они почти такие же, как и у уличных ребят, — не выдавай своего, поделись со своим, соблюдай правила и т. д. Нужно только подчеркнуть, что беспризорные, вообще, а „блатные“, в особенности, редко бросают товарища в беде, „подельчивы“ и скупость добродетелью не считают. Один из правонарушителей как-то с гордостью сказал нам, что он в зимние холода кормил всех своих товарищей, так как они не могли выйти на „заработок“ вследствие отсутствия одежды и вынуждены были сидеть в подвале.

Двойственность этики, отмеченная у уличных ребят, выражена у бродяжек еще резче. Верность товарищу, соблюдение правил, запрещающих, например, утаивать от „корешка“ (соучастника) хотя бы ничтожнейшую часть заработка, легко умещается с уверенностью, что в отношении „штымпа“ все позволено. Круг понятия „свой“ еще уже; озлобление против всякого сытого и хорошо одетого еще острее.

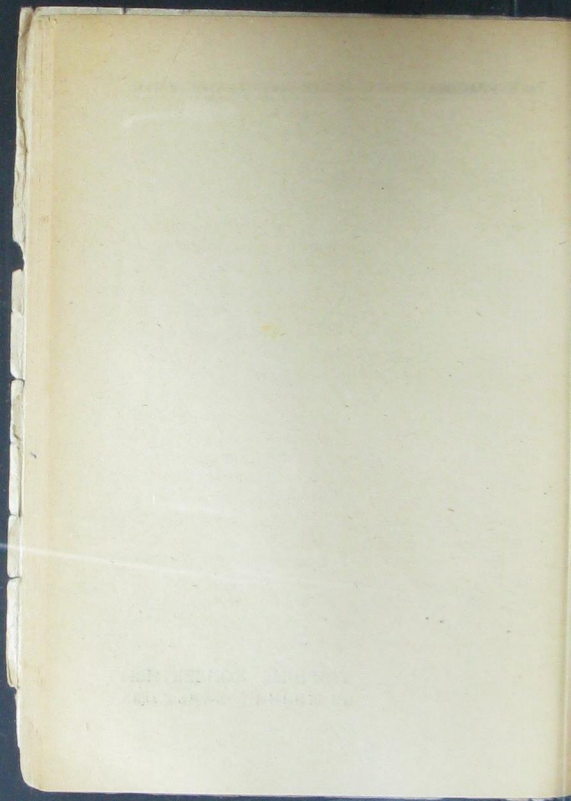
В заключение надо подчеркнуть, что борьба с „моральной запущенностью“ блатных и беспризорных возможна только через их коллективы. Блестящие педагогические победы ждуг всех тех, кто сумеет использовать коллективистические навыки ребят и их стремление к организации. И то

значение, какое в коллективах играют вожаки, та роль, какая отводится самой жизнью „верхушке“, показывает нам и вехи работы: через воздействие на вожаков к руководству всем коллективом. Там же, где вожаки не поддаются воздействию, остается единственный путь — постепенное и незаметное разрушение их авторитета в глазах коллектива.

А. В. УЛАСОВА

УЛИЧНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ
ИЗ ЖИЗНИ Г. ХАРЬКОВА

Всем педагогам-практикам, а особенно работникам по детским правонарушениям приходится сталкиваться с уличными коллективами и их подчас грозно-разлагающим влиянием. Кто не слышал жалоб родителей, часто культурных и материально обеспеченных: дети их отрываются, мол, от семьи, перестают ночевать дома, бросают школы и проводят все время в уличной компании. Руководители школ утверждают: школьники часто находятся в уличных компаниях, в которых преобладают интересы не школьного характера. Конкурируя со школой, уличный коллектив нередко побеждает последнюю. Влияние отдельных уличных вожakov на ребят так велико, что в стенах школы ребята считаются больше со своими вожаками, чем с руководителем; под руководством вожака ребята готовы „убить кого угодно“ (буквальное выражение руководителя). Все это заставило нас практически подойти к выяснению вопроса: что же такое уличный коллектив, чем именно он притягивает ребят, почему так полно и безраздельно властвует он над ребятами? И, с другой стороны, как надо работать с уличным коллективом, чтобы завоевать

влияние взрослых для разумной организации его поведения?

Условия, в которых приходилось вести нам работу,—самые неблагоприятные: почти полное отсутствие методики и техники исследования коллектива, а также и методов педагогического воздействия на него. Замкнутость уличного коллектива, строжайшая конспирация, недоверие к посторонним,—все это делает наблюдение над коллективом очень сложным, все это требует большого педагогического опыта и не меньшего такта. Этим и объясняется недостаточность нашего материала и неполное освещение вопроса. Но мы считаем своевременным хотя бы поставить вопрос об уличных коллективах и тем положить начало его разработке. Материал наш касается уличных коллективов — ребят, живущих в семьях; вопрос о коллективах беспризорных ребят, отличающихся своеобразными чертами, о коллективах „вольницы“, „шпаны“ требует специального внимания.

Известно, что каждая улица имеет свой уличный коллектив ребят, там живущих. На глухих окраинах города, где широко развита уличная жизнь и где улица играет роль клуба, а общение между ребятами разных улиц гораздо интереснее,—там процветают огромные районные коллективы: к „своим“ на таких окраинах ребята обычно причисляют живущих не только на одной улице, но и в данном районе.

Конечно, каждый районный уличный коллектив носит на себе отпечаток среды, в которой он возникает, занятия населения, его быта, степени культурности, организованности. На половину сельскому пригороду (Павловка) соответствуют и большие районные коллективы с сохранившимися кулачными боями. Другой пригород (Верещаковка): в центре его бойня, заселен в большинстве мясниками, — частично крестьянами, частью просто деклассированным, дезорганизованным населением, терроризирующим не только Верещаковку, но и все прилегающие к ней части города („поставляет раков на весь город“ — говорят о ней обыватели). Пригород этот бросает зловещий отсвет на уличные коллективы: воровские и хулиганские традиции, воровской жаргон, ножевые расправы. Вот почему и живущие в том районе школьники, неизбежно входящие в уличные компании, втягиваются в уголовные шайки и нередко превращаются в грабителей.

Своеобразную форму имеют коллективы центральных торговых улиц (Сумской, начала Екатеринославской, Московской). В эти коллективы входят „пришельцы“: ребята семей там живущих в большинстве не предоставляются самим себе и улице. Коллективы составляют здесь ребята, скопляющиеся с прилегающих улиц для уличного заработка, — чистильщики обуви, торговцы в разнос, барышники у кино и театров. Все эти ребята

объединяются не только для организации досуга, но, главным образом, на почве своих профессиональных нужд. Это ясно для всех, кто хотя-бы поверхностно наблюдал сидящих в ряд по 7-8 чистильщиков, группами стоящих продавцов, толпящихся у театра торговцев билетами.

На одном из таких коллективов ребят уличного труда (на коллективе Сумской улицы), на его возникновении, истории и распаде, на практике работы с ним, мы и остановимся.

1. Сумской коллектив.

Возникновение этого коллектива относится к началу 1923 года, когда, с расцветом торговли, Сумская снова превратилась в торгово-увеселительный центр. Нашей практической целью в работе с коллективом было выявить наиболее социально-запущенных ребят и оздоровить коллектив, принявший воровскую окраску. Со стороны социальных условий со всей полностью обследован нами лишь деятельный актив с вожаками во главе — 25 человек.

Что из себя представляет коллектив в отношении социальных условий? Как видим (см. таблицу на 89 стр.), большинство — дети рабочих и служащих из семей, физически разрушенных и материально очень нуждающихся.

Семейная обстановка обследованных ребят? Постоянная нужда, дурные жилищные условия,

семейные неурядицы, некультурность (в немногих семьях наблюдается, правда, и некоторый комфорт и семейный уют). Нужда в отдельных случаях доходит до нищеты. Большая неприглядность обстановки. Ясно, что в таких условиях ребятам нет возможности чем-либо заниматься дома, читать и т. д., а это особенно важно для школьников. Даже внешняя обстановка жизни говорит о неизбежности ухода ребят из дому, объясняет тягу к ярким впечатлениям улицы и ко всему фантастическому.

Социальное положение родителей	Материальное положение	Семейное положение
Рабочих . . 17	Остро-нуждающихся* 14	Полусирот . . . 12
Служащих . 6	Средне-нуждающихся 6	Имеющих родителей 8
Кустарей . 1	Обеспеченных . 5	Сирот 5
Торговцев . 1		

Родители беспризорных, в большинстве, люди некультурные; в отдельных случаях (таких 4-5), где есть средняя культурность, энергия и вни-

* В основу понятия о нуждаемости лег следующий принцип: острая нуждаемость — если в семье приходится меньше 10 руб. на человека, средняя — если от 10 до 20 руб. на человека и обеспеченность — если больше 20 руб. на чел.

мание направлены целиком в сторону служебной и общественной деятельности. В одном случае отец и мать культурные люди, оба служат; сын сделался уличным бродяжкой, оторвался от семьи и даже внешним видом напоминает беспризорного. Уход детей из семьи (за последние 2 года 14 человек из 20 оторвались от семьи) объясняется не только примером сирот, ребят, устраивающихся совершенно самостоятельно; тут не только экономическая независимость, благодаря уличному заработку, но, главным образом, тяжесть семейной обстановки.

Школа, как социальная среда, в отношении данного частного случая — группы школьников — членов нашего коллектива, давала чрезвычайно мало. Пять школьников — членов уличного коллектива — ребята способные, а трое из них и даровитые, — не удовлетворены школой. „Сидишь, сидишь на парте — повествует один из вожakov, наиболее яркая и талантливая фигура из ребят — ох, и скучно — книги за пазуху и через забор“. Другой школьник — ярый „коллективист“, живой, способный, на все готовый для своего уличного коллектива — подчиняющийся его дисциплине во всех случаях, ни с какими школьными организациями не связан. Уход ребят в уличную организацию — не случайность и в отношении данных ребят: победа улицы над школой, ее торжество вызвано отчасти и самой школой.

По составу обследованный коллектив таков:

Возраст			Пол		Националь- ность				Занятия ребят				Грамот- ность		
16—17	14—15	11—13	Мальчиков	Девочек	Русских	Евреев	Украинцев	Татар	Учещащиеся обучив	Торговцы пальтос.	Перекупщики билетов	Без занятий	Грамотных	Полуграм.	Безграмотн.
11	8	6	25	—	18	3	2	2	12	5	2	6	20	3	2

Состав национально-пестрый, по возрасту — большинство от 14 до 17 лет, по полу — все мальчики. Связь с девочками имеется — на почве деловой. Нам известен случай объединения с одной девочкой, Марусей-шоколадницей, которая ссужает деньгами наиболее надежных из ребят, хотя и не живет жизнью коллектива. Впрочем, в одной части нашего коллектива, впоследствии выродившейся в чисто воровскую босаяцкую группу, несколько девочек, живущих и ночующих в парадных с ребятами, известны как жены определенных ребят.

Согласно медико-педагогическому обследованию, из этих ребят двое одаренные, 19 ч. нормальные, трое — с неустойчивой психо-нервной конституцией и один — с глубоким дефектом — 6 лет умственной отсталости.

Ниже приводим характеристику некоторых ребят, поскольку они — благодаря своим особенностям, — играли определенную роль в коллективе.

Р. 14 $\frac{1}{2}$ лет. Вырос в семье, кочевавшей из города в город, благодаря постоянным переменам в занятиях отца; не получил поэтому систематической выучки и, в связи с отсутствием занятий и неурядицами в семье, рано привык к улице. Рано стал курить, играть в карты, лазить по чужим садам. В период, когда семья жила в Харькове в воровском районе, стал красть дома деньги на картеж и папиросы. „Никогда не дрейфит — говорят о нем ребята, — в опасном деле всегда первый“. Талантливый, активный, смелый, остроумный, веселый, честолюбивый и властный, пользуется огромным влиянием на ребят и способен заражать своим настроением: „когда появляется на Сумской — вся Сумская поднимается“. Признанный вождь, он позволяет себе часто насилия над ребятами, желая дать им почувствовать свою власть. Забияка, ловкий вор, втлнувший в кражи весь коллектив — „всю Сумскую перепортил“, говорят сами ребята. Организатор коллективных воровских налетов („горлохватство“, — по его собственной терминологии).

Л. 13 лет. Глубоко отсталый в умственном отношении, на почве тяжелой травмы (лет 7-ми был избит деникинцами). Благодаря занятости и отца и матери, остался не только без специального наблюдения, но и без всякого присмотра. Превратившись в уличного бродяжку на Сумской, сделался спутником и участником всех коллек-

тивных действий, механическим исполнителем всех заданий Р. Отношение к Л. слегка пренебрежительное, как к умственно-отсталому, но это не мешает коллективу быть к нему привязанным. Очень нравится ребятам в нем то, что он предпочитает улицу и компанию семейному комфорту, какой у него имеется дома.

Т. 11 лет, сын нетрудоспособной вдовы. Очень привязан к матери, помогал ей материально, торгуя папиросами; после конфискации папирос за беспатентность торговли, домой не вернулся и остался на Сумской с коллективом. Пред нами случай ухода из семьи даже тогда, когда связь с нею крепкая и не только формальная. Повидимому, сыграла роль безнадежность борьбы с ужасающей нищетой в семье. После неоднократных конфискаций папирос, начал втягиваться в кражи с Р. и за короткий период превратился в ловкого до неуловимости вора. По данным изучавшего его детучреждения, безусловно талантливый, способный и умный мальчик. В коллективе играет роль консультанта, — обычно за всякими советами к нему обращаются и более старшие. В последний период существования коллектива стал быстро выдвигаться, как организатор и вожак малышей; вновь прибывавшие обращались уже непосредственно к нему. В коллективе пользуется безусловным уважением.

Д. 15 лет, сын кустика. Вырос в тяжелой семейной обстановке (открытый разврат матери,

уход ее из семьи, в которой оставила четырех детей, вторая женитьба отца на женщине, имевшей детей от первого брака). За последнее время Д. перебивал в 4-х разных школах и, в конце-концов, по материальным причинам принужден был оставить школу и заняться чищением обуви на Сумской. Отсюда—общение с Сумским коллективом, горячая привязанность к нему, благодаря сильно развитому товарищескому чувству, обостренному душевным голодом и отсутствием тепла и поддержки в семье. Способный, развитой, активный, ловкий и смелый хлопец, тяготеет неопределенностью занятий, есть большое стремление к обучению и труду, пользуется любовью в коллективе, как верный, преданный товарищ.

С. 14 лет, сын инвалида, торговца папиросами. Живет в большой семье из 9 человек, в низкой, темной, полуподвальной кухне, в обстановке ужасной нечистоплотности, тесноты и нищеты. Учится в школе довольно успешно, но органической связи со школой нет; всеми своими интересами, всей энергией и активностью он в Сумском коллективе. Ярый коллективист с прекрасно развитым товарищеским чувством, ради коллектива готов пойти на все. В момент его пребывания в товарищеской среде—на лице бесконечное довольство, спокойная уверенность в себе и в товарищеской верности и спаянности. Сам по себе хлопец никогда ничего не воровавший, безусловно

честный, принимал участие в воровских налетах. На вопрос, почему он не бросал компанию в подобных случаях, ответил категорически: „я с ними всегда“. Ребята все без исключения его любят, гордятся им, выдвигая его, как свою совесть, в тех случаях, когда необходимо объективное освещение какого либо факта. „Спросите у него — он скажет“, — говорили нам ребята, указывая на тут же присутствующего С. И нужно было видеть, с какой исключительной правдивостью и ясно-стью излагались им все события! Не организатор, не вожак, рядовой член, С. душа коллектива, преданный ему целиком и во всех своих интересах и поведении коллективом определяемый.

Ц. 12 лет из большой материально обеспеченной семьи (три человека служат). Сам Ц. учится в одной из лучших школ, но в свободное время отправляется торговать на Сумскую семечками. По разумению матери, недалекой и темной женщины, эта мера спасает ее сына от безделья — во время досуга и беганья с уличными мальчиками той улицы, где они живут. На Сумской втянулся в компанию и скоро сделался верным и преданным ее членом. Ребята растаскивают у него семечки, а потом, когда ему не с чем возвращаться домой, предлагают: „идем достанем“. В случае отказа его, заявление — „не идешь потому, что дрейфишь“. И это заставляет его принимать участие в коллективных налетах, его — хлопца из

трудовой семьи, школьника лучшей школы, умного и способного мальчика, производящего своей правдивостью и искренностью прекрасное впечатление, безукоризненного в отношении чужой собственности (по общему отзыву). Мягкий и податливый, почти ребенок, Ц. в умелых руках вожака — в данном случае Р. — быстро превратился в хорошо отшлифованного уличного хулигана и вора; к нему, как к ловкому исполнителю всех воровских заданий Р., стали относиться все с большим восхищением.

А. 14 лет и И. 13 лет — близкие друзья, живущие в одном дворе. А. живет у своего женатого брата, а И. живет с отцом и мачехой. Обе семьи связаны общими интересами в уголовных делах, — главным образом, скупки и продажи краденых вещей. Сфера действий — базар. Обоих мальчиков семьи привлекают к своей деятельности. В связи с этим, первого из них нещадно избивают, так как он, больной и трусливый, старается избежать рискованной, напряженной и опасной работы. Положение его в семье до такой степени тяжелое, что ребята коллектива, — вообще, народ не слишком жалостливый, — описывали с большим сочувствием, как избитый А. прячется в углу двора и плача молится по татарски. Начавши чистить обувь на Сумской и сойдясь с компанией, он нашел более верный способ борьбы с тяжелой обстановкой, чем жалобы богу.

И живой, сметливый и ловкий, не только помогал семье в ее профессии: начавши чистить обувь на улице и сойдясь с Сумским коллективом, он принимает самое активное участие в кражах, когда ими занялся коллектив, и в некоторых случаях даже руководит коллективным налетом. Живой и неглупый мальчик производит впечатление человека взрослого, благодаря жизни, полной опасности, тревог, постоянных волнений. В нем чувствуется опытный, осторожный, много видевший и много испытывавший человек.

М. 16 лет—рано потерял отца и во все годы детства испытывал страшную нужду. В последнее время жил вместе с матерью у замужней сестры, больной женщины, нуждающейся, обремененной большой семьей. Обоим—и матери и сыну—постоянно напоминали их положение нахлебников. Последние полтора года занимался чисткой обуви на улице и, уйдя в коллектив, почти не жил дома. Нигде не учившийся, хлопец однако развитой, очень умный, хладнокровный, выдержанный и страшно властный. Вожак старшей группы ребят, очень свободно подчиняет своей воле. В то время, как Р. подчиняются стиснув зубы, этому подчиняются рабски, даже не замечая этого. Держится всегда очень спокойно и холодно. За последнее время, под влиянием воровски настроенных ребят Р. и К., стал быстро втягиваться в кражи, на ролях организатора и вожака. Нужно

добавить, что направившийся затем по собственному желанию в трудовую колонию М. проявил себя там с самой положительной стороны: огромная внутренняя дисциплинированность, большая трудоспособность, интерес в области математики и техники.

К. 16½ лет, кличка „одессит“, сирота С 1922 г. скитался по всем большим городам Украины. Цепляясь за жизнь, занимался всеми видами уличного заработка, все время находясь на грани социально-дозволенного — „иногда приходилось не брезгать и воровством“, по его выражению. В Харьков приехал с определенной воровской квалификацией. Начавши торговать папиросами, сошелся с Сумской компанией, внеся туда воровские навики, южный воровской жаргон, сведения о подвигах и быте настоящих воров, отчасти воровской кодекс и бешеный картежный азарт. Вдохновляя коллектив на кражи и связавшись с воровским притоном, пытался втягивать в большие дела старших ребят. Находчивый, ловкий, смелый, прекрасно ориентирующийся во всяких обстоятельствах, с богатым жизненным опытом авантюриста. В Сумском коллективе он отчасти ради компании и коллективных развлечений, отчасти ради удобств в смысле воровства. Любит выпить, бросить деньги на угощение ребят, поиграть в карты. Правда, при всей своей общительности, внутренне сдержан, скрытен и недо-

верчив, страшно осторожен, что очень осложняло работу по выявлению его роли в коллективе. Пользовался в коллективе хорошей репутацией—всегда держит слово и безупречен в отношении отдачи своих долгов.

Пытался захватить роль вожака, одно время упорно боролся за влияние, но это ему не удалось. Он лишь—воровской вдохновитель коллектива. Сам по себе—интереснейшая страница авантюрного романа для новичков коллектива. Несмотря на свое уменье приспособляться к улице (хорошо одевался и почти не нуждался в деньгах), он вслед за М. добровольно направился в трудовую колонию, продолжая там конкурировать с ним, но уже в другом направлении,—в области трудовых процессов и работы над собой.

Е. 16 $\frac{1}{2}$ лет, из семьи когда-то обеспеченной, несколько раз переходившей от полного благополучия к нищете, от излишеств к лишениям в самых необходимых вещах. Рос в обстановке баловства со стороны матери и укрывательства всех его шалостей и дурных поступков от отца; с другой стороны—суровость и резкости отца. Был рано посвящен отцом в его интимные дела с разными женщинами. Присутствуя при родительских ссорах на этой почве, живя последние годы в одной комнате с отцом и матерью, вырос изломанным циником, с огромным презрением к своим родителям и к старшим, вообще с за-

грязненным воображением и нездоровым интересом к этой области. Благодаря беспорядочному образу жизни семьи, не получил правильного обучения и в 16 лет, ни к чему, кроме развлечений, вкуса не имеет. Привыкший к различным излишествах, ставящий выше всего свои удовольствия, рано стал красть из дому—на дорогие папиросы, на угощение товарищей и знакомых девочек.

Широкая натура, всегда в приподнято-веселом настроении, остроумный балагур, рассказчик скабрезных анекдотов, певец и немножко паяц. В компании нуждается больше, чем в крове и одежде. Уходил на улицу на продолжительные сроки, жила там почти раздетым и предпочитая грязное парадное крыльцо в товарищеской компании довольно чистому и более или менее комфортабельному семейному жилищу. Последний раз ушел, зная, что этим порывает всякую связь с семьей. Роль его в коллективе — цемент, скрепляющий своею приподнятостью, веселостью, вносящий несколько бравурную, но бодрящую ноту.

Очень любим старшими ребятами. В данное время выполняет роль коменданта одной части коллектива, выродившуюся в чисто-босяцкую „бражку“. Быстро катится вниз к полному дну, к профессиональному воровству, находя особый экстаз в „босяковании“, отрешенности от культурных людей и культурных навыков. Убежденный фанатик босячества.

Ч. 16 $\frac{1}{2}$ лет, сын вдовы, глубокой старухи, отправленной в последнее время в дом инвалидов. Не получил никакого систематического обучения, в последнее время работал на общественных работах. Связался с Сумским коллективом несколько необычно. Живя в районе Сумской и блуждая вечерами по улице, он неоднократно встречал компанию сумчан, играющую под фонарем в карты. Однажды заслонив свет от фонаря и награжденный за это сильнейшим ударом, он один вступил в драку с большой компанией, был сильно избит, но выдержал испытание. После этого проявилась взаимная симпатия и дружба; бездомный, одинокий, он быстро привязался к компании, кроме нее у него ничего и никого нет. Атлетически сложенный, большой физической силы, спокойный и флегматичный, не инициативен. В коллективе играет роль исполнителя, ценится за страшную физическую силу („не выдаст, при столкновении с „чужаками“) и за товарищескую преданность. Несмотря на необеспеченность, ни в одной из краж коллектива участия не принимал: может быть, потому, что проводит на улице лишь свой досуг, продолжая работать на общественных работах. Впрочем, от угощения никогда не отказывается.

Ю. 15 лет, сын посыльного, еле прокармливающего большую семью, больную, истощенную; не хватает самого необходимого. Живет семья

в глубоком, сыром полутемном погребе-подвале, почти не обставленном; постоянная атмосфера при-
ниженности, давленности и всякой трезог.
Ю. посещает школу аккуратно, но не имеет са-
мого необходимого; с другой стороны, и школьный
материал для него непосилен. Ни от семьи ни
от школы ничего не получивший, он рано сде-
лался жертвой улицы, вошел в воровской коллек-
тив, замечен был даже несколько раз в кражах
у соседей; в коллектив попал потому, что „ни
в какой клуб меня не пропускали и потому я
всегда зимой ходил по Сумской“. Не глупый, спо-
собный, любитель кино и авантюрной литературы,
которую читает запоем. Страшно истощенный, зам-
кнутый, болезненно угрюмый, в коллективе дер-
жится несколько обособленно, автоэтичен, но
к коллективу тянется, так как никаких разумных
развлечений и иной компании у него нет, и деть
себя ему некуда. В воровских делах принимает
деятельное участие не за страх, а за совесть,
с полным равнодушием к опасности; исключи-
тельной смелостью вызывает уважение даже во-
жачков. (Во время одного ночного налета на киоск,
когда даже вожак торопил: „скорее“, Ю. медленно
и совершенно спокойно расхаживал внутри, со-
бирая вещи). За последнее время стал быстро
квалифицироваться в воровском ремесле, самосто-
ятельно, „он такой, что и сам пойдет (подразуме-
вается воровать)—ничего не боится“.

Братья Я. 16 лет и М. 17 лет и их товариш Ф. 16 лет,—все круглые сироты. Первые живут с сестрой, зарабатывающей вязаньем и шитьем туфель. Ф. у женатого брата — служащего. Все учились не систематически; не имея определенных занятий, одно время чистили обувь на Пушкинской и Сумской. Все трое на редкость порядочные ребята, мужественно борющиеся с нуждой и не отказывающиеся ни от какой работы; последнее время работали на общественных работах, производят впечатление развитых хлопцев. За последний год откололись от коллектива, когда тот начал принимать взривской уклон. „Загордели нэпманы“ (нэпманы, т. е. ничем не понуждаемые к кражам, по объяснению ребят)—такова реакция всего коллектива, и кличка „нэпманы“ так и осталась за всеми троими. Что удержало этих ребят от падения? Оказывается: все трое за последнее время связались и с здоровым дворозым коллективом, в который входили учащиеся профшкол, в том числе несколько девочек. Здесь преобладали интересы учебы, тяга к разумным развлечениям. На собраниях этих обычно обсуждались интересные моменты из жизни профшколы, разбиралось прочитанное каждым, устраивались концерты на различных инструментах. Все это подняло наших ребят, туда попавших: повысилась их культурность, определилась тяга и интерес к учебе и даже самый внешний вид изменился.

Поле действия нашего коллектива — Сумская ул. Это центральная торговая улица, с движением до поздней ночи, с массой дорогих магазинов, ресторанов, с кино и театром в центре, освещенная почти всю ночь, с крытыми подворотнями и теплыми парадными.

Возникновение Сумского коллектива связано с переходом ядра одного из близлежащих уличных коллективов на Сумскую для занятия уличным трудом; вокруг этого ядра и стали об'единяться вновь прибывающие ребята. Сразу же проявилась организованность, спаянность на основе взаимной помощи (ссуда денег, ящика, щеток) или напряженной борьбы с чужаками, торговцами с других улиц.

Если в первое время Сумская была для ребят лишь местом заработка и встреч, то впоследствии она стала для них и клубом. Оставивши щетки или лоток дома, „идти на Сумскую“ значило встретиться с товарищами, с которыми сжился и сроднился, отдохнуть, развлечься, побывать в кино, поиграть в карты, поделиться своим горем и т. д. Впоследствии, когда ребята сделали Сумскую также и местом ночлега, превращая каждое теплое парадное крыльцо в свой кров, коллектив стал принимать и воровскую окраску. Эту окраску придали коллективу, с одной стороны, воровски настроенные ребята и, с другой, острая жажда того недоступного, что видели они вокруг себя,

в витринах богатых магазинов и шумных ресторанов. Об этом, впрочем, говорит и самый характер краж. Превращение улицы в место ночлега, а затем и воровские похождения еще более сплотили и организовали коллектив, усиливши роль его вожаков. Следующий момент, — с одной стороны, отпадение части ребят из-за воровских подвигов, а с другой — вызванный нашей педагогической работой развал коллектива.

В данный момент часть коллектива, которая не акклиматизировалась в трудовых колониях, ибо слишком втянулась в жизнь улицы, стала чисто босаяцкой компанией, с уклоном к профессиональному воровству.

Несколько слов о быте нашего коллектива, об его структуре. Даже при поверхностном наблюдении на улице ребят уличного заработка можно обнаружить бесчисленные деловые и неделовые нити, связывающие их: тут займы денег, иногда товара, „орудий производства“ — щеток, ящика, — тут частые объединения ребят в кружок — папиросников, чистильщиков, — для совещаний; тут стажирование новичков у „матерых“ чистильщиков, дающих указания, следящих за работой. Одновременно тут же происходит и обмен мнениями, уличными впечатлениями, распространяются последние сообщения о количестве заработка, новости относительно кого-либо из ребят: „избили дома“, или „забрали с лотком в район“. Некоторые

ребята, концентрируя у себя и распространяя все последние новости, играют роль ходячих газет. Впрочем, темп жизни коллектива зависит и от сезона. Чищение обуви и торговля с лотка зимой почти замирает; на сцену выступает перепродажа билетов в кино и театры.

Каков, вообще, заработок ребят, определить трудно? Он не велик, случаен, колеблется в зависимости и от сезона и от погоды и от индивидуальных качеств работающих. В общем же ребята имеют возможность питаться за свой счет, лакомиться всевозможными сладостями; некоторые временами даже покупают себе одежду. Для ребят, живущих в семье, наличие заработка и питания вне дома очень важный момент: тут развивается большая самостоятельность в смысле распоряжения средствами, временем и самим собой, тут и практическая ориентировка, смелость, находчивость.

Об'единившись на почве профессиональной, ребята стали проводить вместе и свой досуг. Чем же обычно заполняется он?

Прежде всего совместные шатания „банды“ по Сумской ул. и Театральному скверу, в беззаботном настроении, подогреваемом записными весельчаками коллектива. Убивали время ребята также и в картеже, азартном до уродства, когда проигрываются не только наличные деньги, но и одежда, имевшаяся в наличии: проигравшийся получает

„сменку“—или изношенное платье счастливец или „коллективное оделние“ в займы. Раздеть кого-либо, т. е. обыграть до гола, считалось делом весьма почетным. Обычно играли в самые азартные игры: „очко“, „бура“ и „штосс“. Интересен при этом самый процесс игры с одновременными долевыми ставками, веселостью, с гамом, в завораживающе-азартной обстановке. Один из ребят рассказывал нам, как ему хотелось удержаться от картежа, сидя поодаль от компании, игравшей в парадном. И он не мог устоять, услышавши веселые крики и шум; „я подумал—что я пропащий, что-ли, сидеть одному“. Картеж в жизни уличных ребят, вообще, играет огромную роль и определяет их поведение (ребята часто воруют для карт, ради них убегают из детских учреждений); он внутренне опустошает их, заслоняя все другое, поглощая все интеллектуальные силы и энергию.

Из других развлечений—одним из любимейших является кино, которое посещается весьма регулярно; характерно, однако, что вниманием пользуется кино данной, своей улицы—оно же служит и местом сбора. Идут в кино не за деньги, конечно, а „зайцами“, однако—организованно, определенными группами, через ворота черного входа. Такое посещение носит название „пришивани“, но „пришиваться“ имеют право только ребята данной улицы, это право отвоёвывавшие.

Все это удерживало ребят на Сумской до поздней ночи. А затем они стали устраиваться на улице и на ночлег, чему очень содействовала и игра в карты в теплых комфортабельных парадных. Нам пришлось наблюдать одно из таких ночных убежищ в парадном — с выходящими трубами парового отопления под лестницей. Забитая фанерой и имеющая вид темной конуры, кладовая устлана соломой и освещается обычно свечкой; для неискушенного в уличной жизни оно может показаться очень неприглядным убежищем, да к тому же и очень ненадежным. Нам рассказывали ребята, что обычно, несколько раз в течение ночи приходится выдворяться из занятого парадного, а часто и по нескольку раз переселяться из одного в другое. Но это не лишает ночлега особых прелестей для ребят. По этому поводу мы получили разъяснение, сказанное с большим подъемом: ляжешь, и начнет кто-нибудь рассказывать или запоем Ленка „Гоп со смыком“. Пребывание в подобной обстановке для некоторых ребят превращается в потребность; отсюда и рождение чисто босаяцкой компании, которой невыносима пресная обстановка и семьи и педагогических учреждений.

2. Кражи и налеты.

Весь быт ребят подготовил прекрасную почву для всяческих проступков. Фактическая бездомность, колебания в заработке, острая жажда

фантастического, легенды о героях — главным образом, уголовных — и наконец, воровские настроения отдельных ребят — особенно вожаков, — все это вызвало, ко второму году существования, пышный расцвет правонарушений. Началось дело с хватанья орехов у гастрономических магазинов и яблок у торговков. Затем, через коллективное растаскивание папирос с лотков, колбасы и „русской горькой“ у развозчиков — к открытому систематическому — тоже коллективному — налету на кондитерскую, вырыванию сумки из рук, к ночному ограблению киоска. Чрезвычайно интересная эволюция краж — в сторону укрупнения и систематичности их — приняла зловещий характер. Любопытен самый характер кражи — коллективное открытое ограбление, прямое отбирание. В основе этой формы коллективной кражи (как у наших ребят, так и у чисто-беспризорных, тоже практикующих „горлохватство“, носящее у них иное название) лежит одно — резкий протест против полной недоступности всего окружающего их.

Остановимся несколько подробнее на самом процессе налета, на его организации; в связи с этим — и на роли вожаков. В обоих налетах — самых типичных из всех нам известных (как, впрочем, и всегда) — инициатива принадлежит вожакам, — в данном случае вожаку Р.

Поводом к первому налету было простое заявление вожака: „мне нужны деньги“. И этого

было вполне достаточно, чтобы поднять группу ребят, самой обстановкой вполне подготовленных к кражам; к тому же и сила влияния вожака, заразительность его примера, громадна. Роли распределены Р., и план заранее разработан: одни должны отвлекать папиросницу спрашиванием цены, другие—искать около нее якобы утерянную монету, третьи—хватать папиросы с лотка, а четвертые—мешки из под него. План не вполне удался—продащица, не обращая внимания на ищущего монету, зорко следит за спрашивающими о цене и вертящимися вокруг ребятами. Чтобы не потерпеть фиаско, вожак сам толкает торговку на лоток, происходит замешательство, и в суматохе ребятами схвачены и мешки и часть папирос. Следует отметить, что мешки были схвачены именно теми, кому это было назначено заранее. Характерно хладнокровие и находчивость вожака, почти механическая дисциплинированность и точность ребят, из которых половина не обладает ни смелостью ни решительностью. Добавим, что трофеи данного налета были проданы и поделены поровну между всеми, исключая вожака, взявшего себе немного больше.

Другой налет—без заранее разработанного плана и менее организованный—интересен со стороны темпа, с каким он разворачивается. Ребята в нерешительности стоят большой группой у кино: поступает предложение от вожака—идти „приши-

ваться" или идти на „горлохват". Принимается второе предложение, ибо, как пояснили нам впоследствии ребята, всем нужны были деньги. Впереди идет вожак: „он впереди всех и ведет всех", — дословное выражение одного из участников данного налета. Участвует в налете почти вся группа Р.: среди них несколько школьников, еще не оторвавшихся от семьи и идущих на кражу только потому, что заражены общим настроением (участие некоторых из них реально ни в чем не выражалось, кроме сопровождения активных). Налетевши беспорядочной толпой на первого попавшегося папиросника, расхватавши часть папирос и выхвативши кассу (железную коробку, деньги из которой рассыпались по земле), ребята, не подбирая монет, под крики папиросника бросаются дальше. Пробежавши всю Сумскую, на углу Московской и бывш. Николаевской площади, также неорганизованно налетают на второй лоток, схвативши с него всего несколько пачек папирос, * бросаются вниз по Московской. Здесь в двух подворотнях, в глубине коих устроены буфеты, захватывают на лету по бутылке сидро и добегают до аптеки. Один из наиболее активных в воровском отношении ребят забегает внутрь и через минуту выскакивает оттуда с оторванной от бака с кипя-

* Тут захватывает милиция двоих, самых маленьких и пассивных.

ченой водой кружкой. После этого компания глухим переулком отправляется в одну из боковых улиц, где распивает ситро и со спавшим настроением отправляется обратно на Сумскую.

В этом случае любопытно то возбуждение, растущее в процессе самого налета, тот страшный азарт—стихийный воровской азарт, который доходит до бравирования, до озорства: раз начавшись, азарт этот ведет к полному разложению коллектива. Роль вожака в таких налетах не столь велика, но все-же значительна. С другой стороны, и большая часть ребят не выполняет тогда ничего конкретного.

Подобную же стихийность пришлось нам наблюдать, когда коллектив, человек в двадцать ребят, пытался скрыться от пострадавшего торговца. На момент ребята были охвачены такой паникой, что держались сплошной массой, похожей на стадо овец (такое объединение, явно инстинктивное—в данном случае не рациональное,—явление, повидимому, чисто биологическое). Они не разбегались в разные стороны, что было бы единственным спасением. И тогда над толпой этой прозвучал совершенно спокойный лозунг: „кто жив будет—беги“. Он поразил всех нас, присутствовавших в тот момент на улице, своей ясностью и внятностью, сжатостью своей и волевой напряженностью.

В поведении коллектива много, конечно, стихийного, но все же преобладает определенная орга-

низованность, а в некоторых случаях даже плановость. Как и во всяком уличном коллективе, эта организованность выработалась и в Сумской группе на почве взаимозащитных реакций: борьба с чужаками-конкуррентами, со взрослыми пришельцами, с милицией и т. д. Строжайшая конспирация и свой язык—лишь одно из средств планомерной борьбы. С другой стороны,—организованность вырабатывается и на почве наступательных действий.

Несколько моментов из области организованной борьбы за существование. Появившись на Сумской с целью заработка и с'организовавшись, ребята твердо установили свое право на Сумскую в смысле заработка именно там, и с самого начала стали вести ожесточенную борьбу с приходящими торговцами и чистильщиками. В „свои“ же, т. е. в число Сумских ребят, вербовка шла организованно, только через первоначальное ядро, или с ведома и разрешения вожака и ядра; живущие на Сумской, конечно, входят явочным порядком.

Беспощадная борьба вылилась впоследствии в организованные поборы с чужаков, желающих торговать на Сумской. Поборы носят название „контрибуций“, собираются только ядром старших ребят (из младших только вожаком Р.), носят систематический характер. „Это такая постановка“,—солидно поясняли нам ребята. Право это, присвоенное себе самими ребятами, поддерживается

силой кулака: „не дашь—отберу лоток или ящик и дам в морду“—такова привилегия ядра вожakov.

Далее о товарищеской помощи. Как-то раз, когда Р. шел во главе компании человек в 30 с расстегнутой грудью, зимой (молодечество, приличествующее вожаку) и с ножом в руках, он встретился со своим старшим братом, который пытался отнять у него нож. В результате—между братьями завязалась драка. Один из милиционеров попытался задержать Р., размахивающего ножом. Ребята, созерцавшие до этого драку довольно спокойно, набрасываются на милиционера с целью отбить своего вожака. Один из ребят ударяет милиционера, который все же, с помощью прохожих и подоспевшей милиции, задержал обоих братьев. Впрочем, в район был доставлен только старший из братьев: сопровождаемый всей компанией, которая издали следовала за ним, Р. по дороге бежал.

Ребята, арестованные за налеты и приводимые под конвоем в детское учреждение по борьбе с правонарушениями,—все они прекрасно друг друга знают, но ни единым звуком, ни единым взглядом не выдают себя, ни единым намеком не указывают на остальных участников, которым посчастливилось избежать задержания.

Как мы уже указывали, средством конспирации служит, между прочим, и особый язык наших ребят, частью заимствованный из воровского жар-

гона, а нередко являющийся плодом собственного словотворчества. Тут видно напряжение творческой энергии; тут и признание обыденного языка взрослых полинявшим и выцветшим. Действительно, собственные словечки ребят часто поражают своей меткостью и яркостью. Конспирация ребят так велика и соблюдается столь строго, что без вожака и его помощи ключа к коллективу не найти.

Переходя к вопросу о вожаках, следует остановиться на материальных преимуществах, какие дает им их положение. В нескольких уличных коллективах нам пришлось встретиться с одной особенностью в этом отношении. Вожак назначает ребятам определенную дань в свою пользу в виде пачки папирос или других приношений; требования эти выполняются беспрекословно и безропотно, а иногда и с удовольствием (то же приблизительно наблюдается и в нашем коллективе). Вожак берет себе большую долю добычи от кражи и, вместе с основным ядром своих ближайших помощников и приспешников, имеет право на контрибуцию. Но он пользуется и иными привилегиями. По нашим впечатлениям, нарушать правила конспирации, говорить что-либо о ребятах — членах коллектива, о действиях всего коллектива, — это делать может только вожак; повторяем, только благодаря ему можно проникнуть внутрь коллектива. К преимуществам вожака относится и

право требовать безусловного подчинения; правда, подчинение это бывает обычно добровольным, но задания вожака выполняются поразительно точно.

Чем же объясняются все эти преимущества, как и вообще огромная роль вожаков? Авторитет и власть их зиждется на инициативности и смелости, на даровитости и физической силе. Будучи во всех рискованных предприятиях, во всех столкновениях во главе дела, вождь является надежным оплотом для ребят. Он внушает им спокойствие и уверенность; бесстрашие и пример вожака толкает к каким угодно поступкам весь коллектив, включая трусливых и слабых. В нашем коллективе вожаки распределяли роли, организуя самый налет, иногда распределяли и добычу. Вождом держится организация, ее целостность, он есть ее остов: выпадает вождь,—и коллектив превращается в бесформенную массу—до выделения нового руководителя. Даже расплываясь, коллектив все-же держится своих вожаков. Так было и у нас: каждый выдернутый из коллектива и уличенный вождь, помещенный в иные условия, увлекал за собою совершенно произвольно целые группы ребят. И так велика инерция коллективных действий, что вместе со всеми уходила за вождом и та часть ребят, у которой не было к этому никаких серьезных предпосылок. Вспоминается случай с Л. Умственно глубоко-отсталый

бродяжка, отвыкший совершенно от всякого труда и до того убежавший из всех детских учреждений, — Л., вслед за вожаком, просит направить его в ту же колонию, куда был направлен последний.

Поведение вожака и коллектива в целом определяет и поведение каждого из ребят в отдельности. Дурной пример вожака, отрицательные навыки ребят превращаются в достояние всего коллектива, и разложение ребят является сплошным, массовым. Мы рассказывали выше, как легко втянулись в кражи ребята, не имевшие к тому предпосылок. Вот С. здоровый, способный хлопец, понимающий неприглядность поступков, но не представляющий себе, как можно оставить товарищей; вот Ц. из семьи, проживающей 180 руб. в месяц, — школьник лучшей школы, идущий на кражи из самолюбия, боясь показаться трусливым.

Вначале здоровый коллектив ребят уличного труда, в силу различных влияний, превращается в разлагающийся уголовный гнойник, разносящий заразу вокруг.

3. Распад коллектива

В заключение, о последнем периоде жизни нашего коллектива — о распаде его, благодаря вмешательству соответствующего педагогического учреждения. Об этом кратко, ибо говорить обо всех перипетиях полугодовой работы с ее прова-

лами и достижениями, здесь не представляется возможным. Лишь после многократных приводов в комиссию по детским правонарушениям за налеты удалось нащупать вожака, который, в результате одной из бесед, заявил: „он больше не ракло“. В доказательство он заявляет обо всех совершенных им проступках, обо всех соучастниках, указывая роль свою и каждого в отдельности.

Отрекшись от воровской деятельности за себя и за других, вожак просит об устройстве всех в мастерских или в детских учреждениях; он решает круто изменить поведение свое и всего коллектива и тут же „открывает двери“, осознав очевидно, что впускает в святая-святых коллектива не врагов.

Р., питая большую привязанность к своему отцу, возвратился домой и три недели жил дома, не встречаясь с компанией (это поставлено было нами в условие). При этом он умолял отца: „если я буду уходить, вы меня силой не пускайте“; а про себя, иногда вслух, твердил: „если я не уйду и не украду, я же не умру“. Однако, он, как и вся его компания, держался выжидательно. Устройство в мастерскую, с одной стороны, выбило его из сферы прежних воровских интересов, — вслед за ним там появились и его ребята; с другой стороны, вскоре добровольно пришел в мастерскую и другой вожак вместе с ядром наиболее активных из коллектива. Шли не только самые

активные и способные, не только наиболее одинокие, но и те из ребят, которым не было в этом необходимости (учащиеся в школе и т. д.). Устроить можно было, однако, лишь некоторую часть из них.

Определенный на производство, вожак Р., несмотря на большую тягу к труду и мужественную борьбу с собой, все же не мог не встречаться с рассеянной, ослабленной и обескровленной частью коллектива, оставшейся на Сумской. Притяжение было так велико, а борьба с собой столь непосильна, что пришлось взять Р. из дому и из мастерской и направить его в колонию, где жил уже другой вожак одной из „бражек“ Сумского коллектива.

Интересен момент борьбы вожakov за влияние в детском коллективе. Оба, столкнувшись в борьбе, сначала взаимно уничтожили всякое свое влияние. Затем, М., спокойный и более выдержанный, сразу выделившийся своими способностями и тягой к работе, победил. К тому же, часть коллектива вдруг круто изменила свое отношение к побежденному Р. и критически отнеслась к его роли. Вспомнили ему и некоторые злоупотребления властью—„отыгрывался над нами“—по выражению этих ребят (т. е. допускал отбирание у некоторых ребят денег, иногда ящика и щеток за непослушание).

Критика детей—конечно, момент чрезвычайно ценный в педагогическом отношении; вообще же,

самый факт борьбы, внесенной с улицы, говорит о необходимости изучения ребят в коллективах до их интернирования.

Часть ребят, оставшаяся на улице, через некоторое время организовалась вокруг нового вожака, свято оберегавшего воровские традиции; и лишь с большим трудом, выдернув и нового вожака из коллектива, удалось разбить организовавшееся воровское ядро. Впрочем, по выражению одного из ребят, „мы ушли, — теперь там другие; „уйдут они — будут новые“. Оно верно, но речь тут лишь о росте коллектива, вообще; активная-же воровская часть его систематической работой была на определенный промежуток времени разбита.

Часть ребят была водворена в колонии, часть размещена на производство; несколько человек было устроено на общественные работы, малыши — школьники отданы под зоркое наблюдение родных.

Все же на улице осталась группа убежденнейших „наркоманов улицы“, для которых босяцкая „воля“ превыше всего. Ребята эти, в числе 10 человек, объединились с несколькими ребятами — босяками Московской ул., тамошними завсегдатаями, с двумя взрослыми, лет по 18 — 19 ворами-профессионалами; судьбу их делят и две девочки 16 и 17 лет, жены этих взрослых хлопцев. Занимается большинство ребят мелким систематическим воровством; кое-кто из них параллельно же промышляет и перепродажей билетов в кино, торгов-

лей папиросами. Лишь несколько человек не ворует, подрабатывая пением на улице. Один певец и босяцкий поэт — скромный, видимо даровитый парень, — стыдится того, что не может привыкнуть к краже. Водили его однажды, но кончилось дело неудачей: „никак не могу привыкнуть“, сообщает он конфузясь. О другом нашем знакомце, двенадцатилетнем Б., говорил нам „комендант“ наших босяков Е., член бывшего Сумского коллектива: „ни украсть, ни вырвать, ни просить — ничего не может — паразит, мы его кормим“. Ночует компания в парадных, но Сумским коллективом себя уже не считает: „мы — босяки“, говорят они о себе, как бы сами ясно осознавая разницу между прежним и нынешним коллективом.

Характерна в данном случае полная оторванность от организованной среды — семьи, школы и пр.; и это положение людей вне общества ярко осознается ими. Характерна тут также исключительная спаянность ребят. Чем меньше связан коллектив с организованной средой, тем он сам внутри больше спаян: чем полнее отрешенность от этой среды, чем меньше остается там привязанности, долга, тем группа сплоченнее. Характерен также усиленный уголовный героизм и определенно-осознанный вызов организованной среде; широчайший диапазон дозволенного, чисто-босяцкий размах. Полное презрение к культурным привычкам, к комфорту, к спокойствию, — даже

встряски губрозыска встречаются в достаточной мере равнодушно. Какое то созерцательно-философское отношение к окружающей обстановке: ужасающая грязь в месте ночевки, частые выдворения, сопровождаемые иногда побоями, — все это не производит никакого впечатления.

Ярко и выпукло отражается босяцкая идеология и воровской быт в песне, записанной со слов наших ребят. Песнь эта, очень красящая неприглядную жизнь, в последнее время получила большое распространение и среди не-босяцких кругов; имеет она столько вариантов, сколько существует коллективов, ее распевающих. Во всяком случае, это подлинный образец коллективного творчества.

ГОП СО СМЫКОМ.

За червонцы я в Харьков приехал,
За червонцы жену себе искал—
Носатую, горбатую, червонцами богатую,—
А червонцы давай-ка мне сюда.
За червонцы я налеты совершаю,
За червонцы я и в подвалах сижу.
Залетаю в Госконтору: «стой, ни с места, руки в гору»,
А червончики давай-ка мне сюда.
Жил-был на Подоле «Гоп с смыком»,
Он славился своим басистым криком,
Горло было прездоровое и ревело, как корова,
А врагов имел он—«сто со смыком».
А «Гоп со смыком» это-будь я,
Послушайте теперь меня, друзья.
Ремесло я выбрал кражу, из тюрьмы я не вылажу,
Первый Допр скучает обо мне.

Но сколько-же в тюрьме я не сидел,
Но не было минуты, чтоб не пел.
Заложивши руки в брюки,
Я хожу, пою от скуки,
Проиграл, — ну, что же и засел.
По выходу с тюрьмы дурницу удишь,
Что делал, все ты позабудешь.
Не успел взять карты в руки, —
В полчаса не носишь брюки.
Проиграл — ну, что же будешь делать, не везет.
Наливаешь в рюмку водки, набиваешь свою глотку,
Все беспрерывно пьешь и пьешь
И гражданам проходу не даешь.
По трамваям ты скакаешь, рысаков перегоняешь
И без фонаря домой ты не идешь.
Фонарь большой, как будто бы покрашен,
Но, разобраться, мне совсем ведь он не страшен.
Если рожа не побита, не достоин ты бандита, +
Так заведено в районе нашем.
И так я играю и пою,
Наверняка я жить буду в раю,
Там живут одни святые,
Пьют бокалы налитые,
Я такой, что выпить не люблю.
А ночью на гастроли в рай я выйду,
Возьму фомич и деньги я у бога выдеру.
Окалечу на слепую и пойду я на тихую.
Мария Мандалина там живет,
Я знаю, где червончики кладет,
Магазин она открыла и клиентов напустила,
По червончику за вход берет.
А потом вернусь я к вам обратно,
Деньги превращу в караты.
Человек буду богатый,
На игру буду смотреть халатно.

А если проиграешь—воровать?
Ах, нет, уж лучше буду умирать,
На том свете выгоднее, набивать карман полнее,
Кто не верит—может испытать.
Кодекса там совсем не существует,
Кто желает, тот идет,—ворует,
Магазины, лавки, банки—все стоит там для приманки;
О ворах совсем там не толкуют.
Исус Христос совсем переродился,
Ответственным лицом быть ухитрился;
Ходит он там на фасоне,
Всех берет на фармационе,
Говорят, что тоже поднажился.
Ах, гоп со смыком я родился и подохну,
А буду умирать, так я не охну.
Лишь бы только не забыться—
Перед смертью похмелиться,
А потом, как мумия, засохну.

Босячество,—почти неизбежный конец эволюционирующего в сторону разложения уличного коллектива. Оставленные без руководства, отдаваемые в жертву разным случайным влияниям, уличные коллективы всегда рискуют притти к этому финалу.

Несколько пока кратких замечаний в отношении методики работы. Работа над коллективом и его изучение должны идти параллельно: нельзя изучать коллектив без педагогической работы над ним; и нельзя педагогически работать без глубокого тщательного изучения всех деталей, его касающихся. В основу же педагогической работы

должны быть положены — осторожность, внимательность в отношении к ребятам, постоянное учитывание всех условий, в коих они живут, и их особенностей. Необходимо добиться обстановки полного доверия, а этого можно достигнуть своей деловитостью, большим тактом, выполнением обещаний в смысле втягивания ребят в здоровые организации, устройства на работу и т. д. Изучать ребят можно лишь в условиях постоянного общения с ними, наблюдения в их естественной обстановке, избегая всякой торжественности. Ясно отсюда, что и педагогическая работа и изучение ребят должны проводиться на улицах и в убежищах. Целевой установкой в этой работе должна быть совершенная обнаженность всех действий, поступков, замыслов, надежд и чаяний ребят коллектива; а это, как подсказывает нам опыт, дается довольно легко при атмосфере полного доверия с обеих сторон.

В заключение, одно пожелание в отношении работы среди уличных коллективов. Ни для кого не тайна, что организованные ребята отдельных городских районов — привокзальных, в частности, — в годы голода практиковали массовые растаскивания продуктов, зерна, остатков топлива; и мы видим сейчас в массе наличие определенных воровских тенденций. Кроме того, в массовом масштабе за последнее время растет хулиганство, говорящее об избытке ничем не отвлекаемых сил,

свидетельствующее о некультурности ребят. Все это убеждает нас в своевременности постановки вопроса о создании районных клубов для ребят. К этим клубам наблюдается большая тяга, и, на почве недоступности ребятам клубов для взрослых, мы имеем и много хулиганских выходов и достаточно милицейских протоколов. Да и в другом отношении эти клубы были бы полезны: привлекая в свои стены беспризорных, главным образом, они могли бы дать огромный педагогический материал. Быть может, удалось бы тут нащупать и новые пути работы для более полного охвата этой детской массы, — пути, которых так упорно, но и так тщетно пока ищет педагогический работник-практик.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

С. О. Лозинский — О детях вожаках	5
Н. П. Велецкая — Беспризорные	39
А. В. Уласова — Уличные коллективы (из жизни Харькова)	85

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „Т Р У Д“

Харьков, пер. Королевца (б. Готровский), д. 18, зд. Гос. Библ. Тел. 4-04.

Выпущены в свет следующие книги:

I. По вопросам народного образования

- „Библиотечные преступники“ — сборник статей, ц. 40 к.
Борович. — Организация и ведение небольших библиотек (опыт практического руководства), стр. 96, X., 1918 г. (разошл.).
его же. Рабочие клубы, их организация и ведение, стр. 96, X., 1919 г. (разошл.).
его же. — Детский клуб (история одного опыта), стр. 128, X., 1919 г. (разошл.).
его же. — Как читать народные лекции (опыт методологии), стр. 40 X., 1922 г. (разошл.).
его же. — Пути сближения книги с читателем (опыт методологии культурной работы в библиотеке), стр. 104, X., 1922 г. (разошл., готовится 2-е издание).
его же. — Инсценировка, как метод просветительной работы, стр. 42, 1-е изд. X., 1923 г. (разошл.); 2-е изд. X., 1924 г.
его же. — Книгопродажа, как просветительная работа, X., 1924 г.,
его же. — Как читать книгу, X., 1924 г. ц. 50 к.,
его же. — Предметный каталог, X., 1925 г. ц. 80 к.
Веккер Е. — Дети и советское право, стр. 112, X., 1925 г. ц. 45 к. (разошл.).
Зарецкий М. — Организация коллективной жизни в школе (вопросы самоуправления), стр. 100, X., 1925 г., ц. 70 к. (раз.).
Кунце Фр. — Техника умственного труда. Вступительная статья Боровича, пер. В. Рикмана, X., 1923 г. (разошл.); 2-е изд. X., 1926 г. ц. 50 к.
Маро. — (М. И. Левитина). — Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР, стр. 96, X., 1924 г. ц. 35 к. (раз.).
„Служник лектора“, вып. I. — Планы, тезисы, литература. Вступительная статья редакция и библиография Боровича. стр. 93, X., 1919 г. (разошл.).
„Читатель и Книга. методы их изучения“. — Сб. ст. Я. В. Ривлина, Н. А. Рубакина и Б. О. Боровича, стр. 100, X., 1925 г., ц. 45 к.

II. Научно - популярные издания

- Гарви Ю.—Капитал против труда, X., 1919 г. (разошл.).
- Годанн Макс д-р.—Юноша и девушка, X., 1923 г. стр. 128, ц. 55 к.
- Мюллер - Фрейенфельс.—Поэтика. Вступительная статья проф. А. И. Белецкого, библиография И. Я. Айзенштока и И. А. Каганова. X. 1922 г.
- Руднянский С.—Беседы по философии материализма, X., 1924 г., ц. 50 к.
- Семковский С. Ю.—Что такое марксизм (Дарвин и Маркс). X., 1922 г. (разошл.).
- его же.—Людвиг Фейербах, X., 1922 г. (разошл.).
- Ткаченко и Павлович.—Спутник металлиста (для рабочих-металлистов), X., 1921 г. (разошл.).

III. Социальная беллетристика

- Блос В.—Эрих девяносто девятый. Повесть из времен революции 1848 г. стр. 192, X., 1923 г., ц. 65 к.
- Лондон Дж.—По ту сторону «Щели», стр. 34, 1-е изд., X., 1923 г. (разошл.); 2-е изд. X., 1924 г. (разошл.).
- Лямсцус В.—Человеческая бойня, стр. 64, X., 1923 г. ц. 30 к.

Подготовлены к печати и вскоре выйдут в свет:

1. Эшер.—Очерки современного библиотековедения в Америке.
 2. Азбука искусства
сборник статей для начинающих по вопросам литературы, живописи, театра, музыки.
 3. Советчик по выбору профессий (для подростков),
сборник статей.
 4. Тематический указатель новейшей беллетристики.
 5. Борович.—Открытый детский клуб,
его же.—Предметный каталог, Ч. II (рубрики).
-